This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

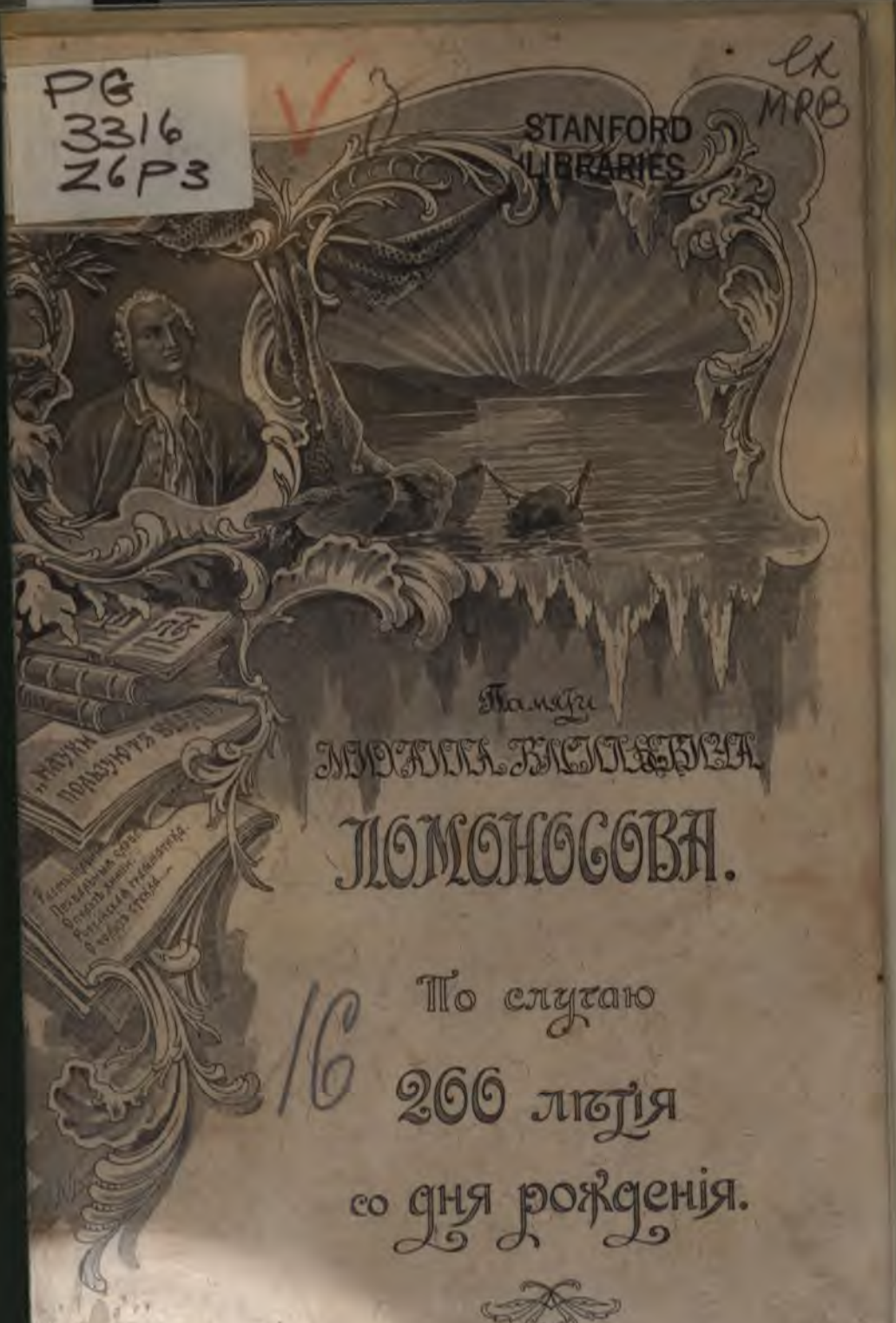
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG
3316
Z6P3

STANFORD
LIBRARIES

lx
MRB



Памяти

МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОМОНОСОВА.

По случаю

200 лѣтія

со дня рожденія.

16

Изд. Бланкоиздательства М. Шпенцера. — Одесса 1911 г.

PG
3316
Z6P3

STANFORD
LIBRARIES

lx
MRB

Памяти

МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОМОНОСОВА.

По случаю

200 лѣтія

со дня рожденія.

16

Изд. Бланкоиздательства М. Шпенцера. — Одесса 1911 г.

Pme
14131

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

[redacted]

Pamiati Mikhaila Vasil'evicha Lomonosova

13/1924

92

ПАМЯТИ

Михаила Васильевича ЛОМОНОСОВА.

По случаю истеченія 200 лѣтъ со дня рожденія.

ОДЕРЖАНІЕ:

Жизнь и труды.—Дѣтство.—Начало обученія.—Уходъ изъ дому.—Въ Москвѣ.—Въ Кіевѣ.—Въ Петербургѣ.—Въ Марбургѣ.—Въ Фрейбергѣ.—Возвращеніе на родину.—Начало дѣятельности.—Академія Наукъ.—Препятствія.—Труды и заслуги.—Послѣдніе годы.—Стихотворенія (Пушкина, Некрасова, Майкова и Розенгейма), посвященныя памяти Ломоносова.

11 г.

Изд. Бланкоиздательства М. Шпенцера въ Одессѣ.

PG3316
Z6P3

Тип. Бланкоиздательства М. Шпенцера,
Одесса, ул. Новосельскаго, 66.

ПАМЯТИ

Михаила Васильевича

ЛОМОНОСОВА.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ

1711—1764.

Жизнь и труды.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОМОНОСОВА, словно сказка, повѣствуютъ о томъ, какъ сынъ неграмотнаго крестьянина отдаленной и глухой сѣверной окраины сдѣлался первымъ ученымъ и писателемъ своего обширнаго отечества; какъ безвѣстный и одинокій юноша достигъ того, что къ нему благоволили Царственныя Особы, что его расположенія искали самые просвѣщенные вельможи, что ему поклонялась учащаяся молодежь, что слава о немъ переживаетъ столѣтія.

Ломоносовъ заслужилъ себѣ великую славу не только какъ выдающійся ученый и писатель, но и какъ неусыпный работникъ надъ просвѣщеніемъ беззавѣтно любимой имъ родины.

Вся жизнь Ломоносова преисполнена труда и борьбы: чтобы одолѣть начатки ученія, онъ твердитъ малопонятные учебники безъ помощи учителей и тайкомъ отъ родителей; чтобы добиться дальнѣйшихъ знаній, онъ бросаетъ достатокъ и долгіе годы подвергается тяжелымъ лишеніямъ; чтобы положить

начало просвѣщенію въ своемъ отечествѣ, онъ самоотверженно возстаетъ противъ „гонителей россійскихъ наукъ“.

Великіе труды Ломоносова не забыты.—Въ 1865 году Россія чествовала столѣтіе со дня его смерти; а нынѣ мы торжественно и благоговѣйно вспоминаемъ его жизнь и труды, по случаю истеченія двухсотъ лѣтъ со дня его рожденія.

Чествованіе памяти Ломоносова является праздникомъ духовныхъ силъ Россіи, потому что, выражаясь словами нашего историка, «только народы живые и сильные благоговѣйно относятся къ дѣятельности своихъ великихъ людей».

Дѣтство.

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ родился 8 ноября 1711 года въ деревнѣ Денисовкѣ Архангельской губерніи. Его отецъ принадлежалъ къ крестьянскому сословію, но не былъ крѣпостнымъ; онъ владѣлъ участкомъ собственной земли, занимался рыбнымъ

Деревня Денисовка.

промысломъ и считался состоятельнымъ хозяиномъ, такъ какъ, не въ примѣръ своимъ односельчанамъ —поморамъ, имѣлъ даже судно, оснащенное по образцу заграничныхъ кораблей. На этомъ суднѣ „онъ

ходилъ по Двинѣ, Бѣлому морю и Сѣверному океану для рыбныхъ промысловъ и изъ найму возилъ разные запасы казенные и частныхъ людей... Всегда имѣлъ въ томъ рыбномъ промыслѣ счастіе, а собою былъ простосовѣстливъ и къ сиротамъ податливъ, а съ сосѣдями обходителенъ, только грамотѣ не зналъ".

Въ свои далекія поѣздки онъ сталъ брать и сына, въ качествѣ помощника, когда мальчику едва минуло десять лѣтъ. Эти поѣздки не всегда были безопасны, и не разъ отецъ съ сыномъ глядѣли въ глаза смерти.

Впослѣдствіи Ломоносовъ въ слѣдующихъ строкахъ изобразилъ свои воспоминанія объ этихъ поѣздкахъ:

„Когда по глубинѣ невѣрной
Къ невѣдомымъ брегамъ пловецъ
Спѣшитъ по дальности безмѣрной
И не является конецъ,
Прилежно смотритъ птицъ полеты,
Въ водѣ и воздухѣ примѣты
И какъ ужъ томную главу
На брегъ желанный полагаетъ,
Въ слезахъ и радости лобзаетъ
Песокъ и мягкую траву".

Природа, окружавшая Ломоносова, была бѣдна растительностью; въ недолгую лѣтнюю пору почти ровная песчаная почва лишь кое гдѣ зеленѣла мелкой порослью, а въ остальное время года все было покрыто снѣгомъ. Однако эта суровая сторона не лишена была своеобразныхъ красотъ и кипучей жизни: почти нескончаемыя зимнія ночи озарялись холоднымъ блескомъ сѣвернаго сіянія; кратковременное лѣто сопровождалось почти незаходящимъ солнцемъ; по вскрывшимся водамъ совершали свой путь заморскія суда; на рѣкѣ и взморьѣ промышляли рыбаки-поморы.

Въ родительскомъ домѣ Ломоносовъ не находилъ привѣта и ласки даже послѣ возвращенія съ отцомъ съ самаго океана. Своей матери, скончавшейся въ молодыхъ годахъ, онъ не помнилъ, а «злая и завистливая» мачеха не взлюбила его и «всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ».

Въ часы досуга мальчикъ, избѣгавшій дома, удалялся на пустынные берега рѣки, откуда онъ чаще всего задумчиво прислушивался къ колокольному звону старинныхъ церквей города Холмогоръ и пытливо глядѣлъ на древнее село Вавчугу, въ которомъ, какъ онъ не однажды слышалъ, бывалъ самъ Царь Петръ, когда строились тамъ наши первыя суда.

Имя Царя-Строителя вспоминалось населеніемъ глухой сѣверной стороны съ любовью и трепетомъ; этими чувствами невольно проникался и нашъ малолѣтній поморъ.

Мѣсто, на которомъ находился домъ отца Ломоносова.

Начало обученія.

ГРАМОТѢ Ломоносовъ сталъ обучаться, когда ему было уже около двѣнадцати лѣтъ. Его первымъ учителемъ былъ крестьянинъ Иванъ Шубной.

Необычайныя способности мальчика начали сказываться съ первыхъ же дней, а черезъ два года онъ «учинился, ко удивленію всѣхъ, лучшимъ чтецомъ въ приходской своей церкви. Охота

Соборъ и Успенскій монастырь въ Холмогорахъ, гдѣ Ломоносовъ читалъ и пѣлъ на клиросѣ.

его до чтенія на клиросѣ и за амвономъ была такъ велика, что не рѣдко бывалъ битъ отъ сверстниковъ по ученію за то, что стыдилъ ихъ превосходствомъ своимъ передъ ними произносить читаемое къ мѣсту растановочно, внятно, а притомъ и съ особою пріятностью и ломкостью голоса».

Нецерковныя книги онъ случайно увидѣлъ впервые въ домѣ односельчанина Христофора Дудина; то были самые извѣстные въ то время учебники, а именно: грамматика Мелетія Смотрицкаго и ариѳметика Магницкаго. Послѣ большихъ усилій и даже не безъ хитрости Ломоносову удалось завладѣть этими книгами, которыя явились для него «вратами учености». Онъ принялся твердить ихъ, скрываясь отъ родителей «въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ», причемъ ему нерѣдко приходилось «терпѣть стужу и холодъ»; онъ не устрашился того, что книги оказались малодоступными его разумѣнію. Причину своего непониманія онъ усматривалъ въ собственномъ невѣжествѣ и, не уставая, пытливо читалъ и перечитывалъ непонятное, стараясь разобраться въ немъ. Дошло, наконецъ, до того, что онъ заучилъ обѣ книги наизусть.

Уже эти первые шаги Ломоносова обнаруживаютъ въ немъ богатый запасъ духовныхъ силъ: необычайна быстрота, съ какой онъ одолѣваетъ начальную грамоту; неожиданно рвеніе къ дальнѣйшему обученію въ крестьянскомъ мальчикѣ, окруженномъ невѣжественными людьми; еще удивительнѣе та острота пониманія, какая понадобилась самоучкѣ, чтобы продолжать свои занятія безъ всякой помощи.

Дальнѣйшая настойчивость Ломоносова не знала предѣла; препятствія словно только разжигали его любознательность; а между тѣмъ никто изъ окружавшихъ его не могъ ничего прибавить къ тому, до чего онъ дошелъ собственнымъ умомъ. Онъ услышалъ только, что „для пріобрѣтенія большаго знанія и учености требуется знать языкъ латинскій, а ему не индѣ можно научиться, какъ въ Москвѣ, Кіевѣ и Петербургѣ“.

Уходъ изъ дому.

МАЧЕХА не переставала попрекать Ломоносова книжками; отецъ смотрѣлъ на 18-лѣтняго сына, какъ на заправскаго помощника, котораго пора-де женить. Между тѣмъ самъ юноша мысленно былъ далекъ уже и отъ домашнихъ дѣлъ, и отъ прибыльнаго промысла, и отъ спокойнаго житья. Своимъ яснымъ умомъ онъ понялъ, что приблизилась рѣшительная минута для выбора между промысломъ рыбака на всю жизнь и дальнѣйшимъ ученіемъ, и онъ, скрѣпя сердце, остановился на смѣлой мысли уйти за наукой.

Въ декабрьскую ночь 1730 года, когда всѣ въ домѣ спали, Ломоносовъ навѣки оставилъ родную деревню. Взявъ съ собою свои драгоцѣнныя книги и кусокъ хлѣба, онъ пошелъ въ Москву, которая отстояла отъ Денисовки на тысячу слишкомъ верстъ.

Одиноко шелъ юноша по снѣжной пустынѣ въ жестокій морозъ, незащищенный отъ стужи и необезпеченный пропитаніемъ. Пройдя около ста верстъ, онъ передохнулъ въ Сійскомъ монастырѣ, а затѣмъ пустился въ дальнѣйшій путь, большую часть котораго онъ совершилъ съ рыбнымъ обозомъ.

Въ Москвѣ.

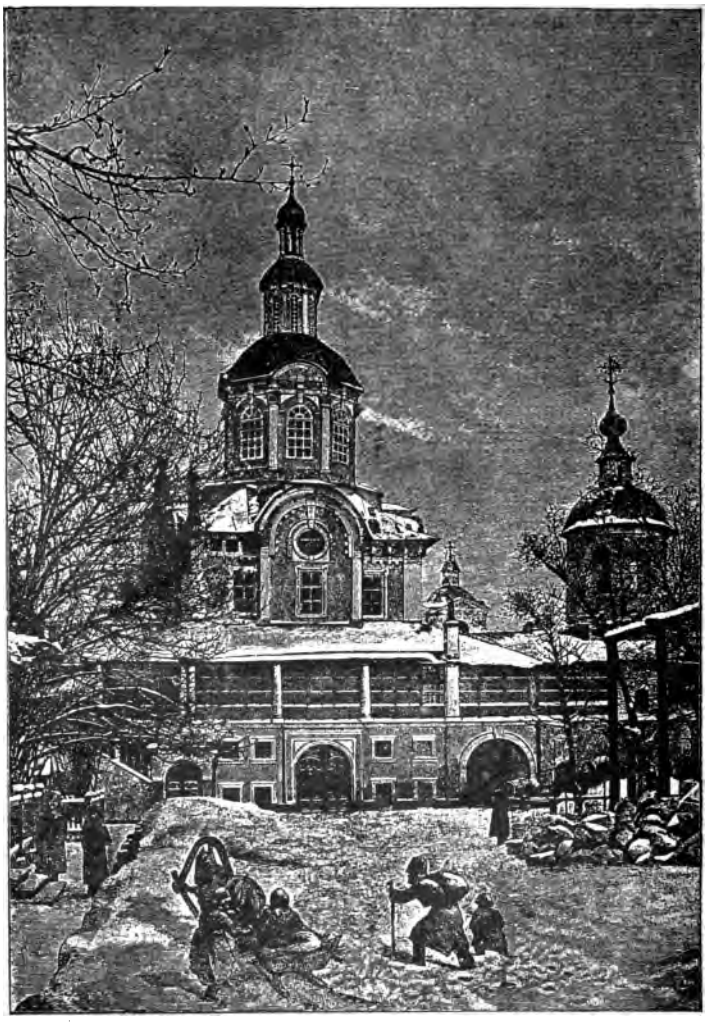
ПЕРВУЮ НОЧЬ въ Москвѣ Ломоносовъ провелъ подъ открытымъ небомъ въ саняхъ изъ-подъ привезенной рыбы. Проснувшись на ранней зарѣ, онъ былъ изумленъ звономъ многочисленныхъ церковныхъ колоколовъ, доносившимся со всѣхъ сторонъ. Въ эту минуту онъ особенно сильно почувствовалъ свое одиночество и безпріютность въ громадномъ и незнакомомъ городѣ; онъ припалъ къ землѣ съ горячей мольбой о томъ, «чтобы Богъ его призрѣлъ и помиловалъ».

На первыхъ порахъ онъ, благодаря участію случайнаго покровителя, ютился въ какой то кухнѣ вмѣстѣ съ барской дворней. Но даже при этихъ условіяхъ онъ не упускалъ изъ виду своей главной цѣли и настойчиво искалъ путей къ ученію.

Вскорѣ его завѣтное желаніе исполнилось: онъ былъ принятъ въ школу на Сухаревой башнѣ, а затѣмъ въ Заиконоспасскую или Славяно-греко-латинскую академію.

Двадцатилѣтній юноша, совершенно не знавшій латинскаго языка, на которомъ преподавали въ академіи, былъ опредѣленъ въ первый классъ и, такимъ образомъ, очутился на одной скамьѣ съ малолѣтками. Глумленіямъ этихъ товарищей не было конца; они всѣ указывали на него пальцами, приговаривая: «смотрите-де, какой болванъ пришелъ латыни

учиться!» Кромѣ этихъ насмѣшекъ приходилось переживать и большую нужду, граничившую съ нищетой. Объ этой порѣ своей жизни Ломоносовъ оставилъ



Заиконоспасскій монастырь.

слѣдующія строки: «Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ

пресильныя стремленія... Съ одной стороны, отецъ говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство, которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ... Съ другой стороны, несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день, нельзя было имѣть пропитаніе въ день больше какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и на другія нужды».

Но, словно желая наверстать потерянное время и заглушить тягостныя невзгоды, Ломоносовъ весь ушелъ въ ученіе. Онъ оказывалъ необычайные успѣхи. Въ первомъ же году онъ поровнялся съ учениками третьяго класса, а черезъ два года онъ овладѣлъ латинскимъ языкомъ настолько, что сталъ писать на немъ стихотворенія.

Въ дальнѣйшемъ рвеніе Ломоносова не только не уменьшалось, но еще возрастало; онъ шелъ первымъ во всѣхъ наукахъ и сверхъ того находилъ еще время «читать Святое Писаніе и творенія великихъ отцовъ и учителей Церкви: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Іоанна Дамаскина и другихъ. Особенно любилъ онъ читать Василія Великаго, котораго Шестоглавъ касается столь любезной ему «натуры и порядка Божественнаго мірозданія».

Первой большой радостью для Ломоносова въ трудные годы ученія было то исключительное вниманіе, какое обратилъ на него архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ во время посѣщенія имъ академіи.

Вся жизнь и дѣятельность этого прославленнаго архипастыря — его происхожденіе изъ купеческой семьи, его ученые труды, его громкое имя, какъ проповѣдника, его близость къ Императору Петру

Великому—все это кружило много юныхъ головъ, въ томъ числѣ и Ломоносова.

Очутившись передъ архіепископомъ, Ломоносовъ не растерялся и на всѣ вопросы давалъ отвѣты, обнаруживавшіе не только твердое знаніе пройденныхъ наукъ, а также ясное и нерѣдко вполнѣ самостоятельное пониманіе ихъ.

Архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, быть можетъ, однимъ изъ первыхъ распознавшій въ Ломоносовѣ восходящее свѣтило русской науки, весьма привѣтливо обошелся съ нимъ и съ полнымъ участіемъ отнесся къ

его признанію относительно той невольной хитрости, къ которой онъ прибѣгнулъ при поступленіи въ академію.

Дѣло состояло въ слѣдующемъ. По уставу въ академію не могли поступать крестьянскія дѣти. Ломоносовъ, узнавшій объ этомъ чуть ли не въ ту минуту, когда должны были, наконецъ, открыться передъ нимъ завѣтныя двери, назвался, по однимъ извѣстіямъ, сыномъ дворянина, а по другимъ—священника. Архіепископъ ободрилъ его такими словами: «не бойся ничего, хотя бы со звономъ въ большой колоколъ стали тебя публиковать самозванцемъ: я—твой защитникъ».

Четырехлѣтнее пребываніе въ академіи принесло Ломоносову громадную пользу: онъ въ совершенствѣ изучилъ славянскій языкъ—этотъ первоисточникъ русской рѣчи; вполнѣ усвоилъ себѣ латинскій языкъ, на которомъ были написаны научныя книги того времени; овладѣлъ пріемами стихосложенія и краснорѣчія; пріобрѣлъ значительныя познанія въ греческомъ языкѣ; изучалъ философію, географію, исторію.

Однако, эти познанія не вполнѣ удовлетворяли Ломоносова; его неудержимо влекло къ такимъ наукамъ, какъ физика, химія, механика; между тѣмъ эти именно науки, за отсутствіемъ профессоровъ, почти не преподавались въ Москвѣ.

Предположивъ, что ему удастся пополнить свои познанія въ Кіевской академіи, Ломоносовъ, съ разрѣшенія архимандрита, отправился въ Кіевъ.

Въ Кіевѣ.

ІЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ, по времени своего основанія, была первой въ Россіи. Ея заслуги въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія были весьма велики; изъ числа ея воспитанниковъ выдѣлилось много знаменитыхъ дѣятелей, къ числу которыхъ принадлежалъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ; она много лѣтъ являлась высокимъ образцомъ для самой московской академіи.

Но московская академія, съ теченіемъ времени и особенно подъ вліяніемъ реформъ Императора Петра Великаго, продолжала развиваться, а кіевская какъ бы застыла въ старинѣ.

Очутившись въ этой академіи, Ломоносовъ очень скоро разобрался и въ безплодности тѣхъ ученыхъ споровъ или диспутовъ, которые устраивались между учащимися, и въ отсталости учителей, и въ нерадѣніи учениковъ; онъ убѣдился также въ томъ, что и здѣсь не процвѣтали тѣ науки, которыя его особенно интересовали. Поэтому онъ большую часть времени сталъ посвящать чтенію лѣтописей, богатымъ собраніемъ которыхъ издавна славилось книгохранилище старѣйшей академіи.

Ломоносовъ оставался въ Кіевѣ около года, послѣ чего возвратился въ Заиконоспасскую академію. Въ послѣдней онъ очутился какъ бы на распутьи: съ одной стороны, начальство считало его образованіе законченнымъ и прочило его въ священники, а съ другой— самъ онъ находилъ свои познанія недостаточными и продолжалъ стремиться къ наукѣ.

Въ Петербургѣ.

ВЪ ЭТО ИМЕННО ВРЕМЯ Московская академія получила предложеніе Петербургской Академіи Наукъ о присылкѣ болѣе способныхъ студентовъ для опредѣленія ихъ въ гимназію при Академіи.

Ломоносовъ, какъ самый выдающійся, попалъ, конечно, въ число избранныхъ.

Его пребываніе въ гимназіи, въ которую онъ вступилъ въ январѣ 1736 года, не было продолжительнымъ: онъ вскорѣ былъ отправленъ за границу. Съ гимназіей онъ разстался безъ сожалѣнія, такъ какъ ея ученики «терпѣли крайнюю нужду и въ наукахъ не имѣли наставленія».

Поѣздка Ломоносова за границу была вызвана слѣдующими обстоятельствами.

Наша Академія Наукъ обратилась къ нѣмецкому профессору Генкелю съ просьбой указать ей ученаго спеціалиста въ горномъ дѣлѣ, который согласился бы поѣхать въ Россію. На это Генкель отвѣтилъ, что его попытки удовлетворить желаніе Академіи оказались тщетными, но что онъ готовъ обучить горному дѣлу русскихъ молодыхъ людей, которыхъ Академія согласилась бы прислать къ нему.

Слѣдствіемъ этой переписки и явилась поѣздка Ломоносова за границу осенью того же 1736 года. Но онъ былъ направленъ не къ Генкелю, который, по мнѣнію Академіи, указалъ слишкомъ значительные расходы, а въ Марбургъ къ знаменитому профессору Вольфу.

Въ Марбургѣ.

Съ ПЕРВЫХЪ ЖЕ ДНЕЙ своего пребыванія въ Марбургѣ Ломоносовъ сталъ выдѣляться своими выдающимися способностями и необычайнымъ трудолюбіемъ. Его успѣхамъ во многомъ содѣйствовалъ самъ Вольфъ, преподававшій всѣ тѣ науки, къ познанію которыхъ Ломоносовъ стремился съ первыхъ дней ученія.

Христіанъ Вольфъ.

Въ ту пору имя «мірового мудреца» Христіана Вольфа широко славилось не только въ Германіи, но и далеко за предѣлами ея; онъ былъ знаменитъ, какъ философъ, какъ ученый и какъ учитель. Всѣ помыслы этого великаго человѣка были направлены къ познанію тайнъ видимой природы; онъ поучалъ, что «въ каждомъ твореніи природы, какъ бы оно ничтожно ни было, сокрыто много для познанія Творца» и что надлежитъ

«вмѣстѣ съ библіей изучать книгу природы и познавать небо не только внутри, но и снаружи».

Ломоносовъ глубоко проникался ученіемъ Вольфа, и впослѣдствіи, по возвращеніи на родину, онъ всѣми доступными ему путями проводилъ мысль о томъ, что «испытаніе природы полезно и свято», что «Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги: въ

Марбургскій университетъ.

одной показалъ свое величество, въ другой—свою волю; первая — видимый міръ, вторая — Святое Писаніе».

За время пребыванія въ Марбургѣ Ломоносовъ послалъ въ Академію нѣсколько отличныхъ научныхъ работъ на нѣмецкомъ языкѣ, которыя обнаруживали его выдающіеся успѣхи въ физикѣ, химіи, математикѣ и философіи.

Въ Фрейбергѣ.

Въ ІЮЛѢ 1739 ГОДА Ломоносовъ, руководствуясь указаніями Академіи, отправился къ Генкелю въ Фрейбергъ. Здѣсь онъ очень ревностно занимался изученіемъ горнаго дѣла.

Здѣсь же онъ началъ работать надъ созданіемъ литературнаго русскаго языка.

Ломоносовъ, какъ уроженецъ деревни, почитатель церковныхъ книгъ и воспитанникъ духовныхъ

Фрейбергскій университетъ.

академій, былъ въ совершенствѣ знакомъ и съ живымъ народнымъ говоромъ, и съ величавой славянской рѣчью, и съ запутаннымъ языкомъ нашихъ гражданскихъ книгъ. Онъ понялъ, что все это должно быть сближено настолько, чтобы создался мощный и общепонятный русскій языкъ, облагоро-

женный, живой и, по возможности, очищенный отъ языковъ латинскаго и польскаго. Уже въ 1739 году въ стихотвореніи «На взятіе Хотина», восхвалявшемъ побѣду нашихъ войскъ, Ломоносовъ превзошелъ всѣхъ современныхъ ему писателей звучностью и ясностью своего языка. Къ этому стихотворенію онъ приложилъ письмо «О правилахъ россійскаго стихотворства».

Въ свое время этотъ трудъ не былъ оцѣненъ по достоинству; лишь впослѣдствіи заслуги Ломоносова, какъ творца «чистаго россійскаго слова», были признаны столь выдающимися, что его признали отцомъ русскаго языка.

На первыхъ порахъ отношенія между Ломоносовымъ и профессоромъ Генкелемъ были очень хорошими, но затѣмъ возникли недоразумѣнія на почвѣ полученія денегъ, посылаемыхъ Академіей. Эти недоразумѣнія до того обострились, что Ломоносовъ самовольно оставилъ Фрейбергъ въ маѣ 1740 года.

Съ увѣренностью, однако, можно сказать, что никакія осложненія денежнаго свойства не могли бы заставить Ломоносова разстаться съ Генкелемъ, если бы онъ вѣрилъ въ глубину его научныхъ познаній, если бы онъ полагалъ, что можетъ еще обогатиться полезными знаніями. Но нашъ самородокъ не очень высоко цѣнилъ Генкеля. Въ своемъ донесеніи Академіи онъ не безъ гордости заявилъ, что не желалъ бы «свои, хотя и малыя, но основательныя знанія промѣнять на его науку».

Совсѣмъ иначе онъ отзывался о Вольфѣ, этомъ истинномъ ученомъ; о немъ онъ сохранилъ лучшія воспоминанія на всю жизнь, переписывался съ нимъ и неизмѣнно признавалъ его своимъ «учителемъ и благодѣтелемъ».

Возвращеніе на родину.

ОСЛѢ почти пятилѣтняго пребыванія за границей Ломоносовъ сталъ хлопотать передъ Академіей о своемъ возвращеніи въ Россію: его одолѣвали и тоска по родинѣ, и неудержимое стремленіе подѣлиться съ ней своими познаніями. Его возвращенію предшествовалъ цѣлый рядъ тяжелыхъ скитаній по нѣмецкой землѣ, вызванныхъ, съ одной стороны, преслѣдованіями заимодавцевъ, а съ другой — отсутствіемъ разрѣшенія и средствъ на поѣздку въ Россію. «Сколько опасностей и сколько нужды вытерпѣлъ я дорогою», признавался впослѣдствіи Ломоносовъ, припоминая время этихъ скитаній, «мнѣ самому страшно становится».

Достойно, однако, вниманія, что и въ это время Ломоносовъ, перебиравшійся съ мѣста на мѣсто безъ всякихъ средствъ и чаще всего встрѣчавшій равнодушіе, озлобленіе и даже смертельную опасность, не переставалъ учиться: въ большихъ городахъ онъ велъ бесѣды съ выдающимися учеными, а на заводахъ и фабрикахъ присматривался къ ихъ устройству и производству.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ скитаній, онъ получилъ возможность выѣхать въ Россію.

Начало дѣятельности.

ЛОМОНОСОВЪ прибылъ въ Петербургъ 8-го іюня 1741 года, въ царствованіе малолѣтняго Императора Іоанна III. Ко дню празднованія рожденія Императора нашъ молодой ученый, уже заявившій себя своими звучными стихами, написалъ оду «Пожеланіе

Малолѣтній Императоръ Іоаннъ III.

Императору». Въ этомъ произведеніи особенно знаменательной была та строка, въ которой стихотворецъ,

обращаясь къ Императору, но имѣя въ виду царедворцевъ, высказалъ пожеланіе, чтобы они вступили «въ Петровъ и Аннинъ слѣдъ».

Ломоносову особенно былъ дорогъ Петровъ путь. Передъ Императоромъ Петромъ Великимъ онъ преклонялся и во всей своей дѣятельности, столь живой, настойчивой и плодотворной, онъ какъ бы руководился великими начинаніями Царя-Работника, величавый образъ котораго словно виталъ передъ его духовными очами. Свое безмѣрное почитаніе этого Государя онъ выразилъ въ такихъ восторженныхъ словахъ: «Блаженны тѣ очи, которыя божественнаго сего мужа на землѣ видѣли! Блаженны и треблаженны тѣ, которые потъ и кровь свою съ нимъ и за него проливали, и которыхъ онъ за вѣрную службу въ голову и очи цѣловалъ помазанными своими устами».

Со времени пріѣзда въ Петербургъ Ломоносовъ сталъ числиться при Императорской Академіи Наукъ, съ которой была тѣсно связана вся его дальнѣйшая жизнь.

Послѣдовавшее вскорѣ воцареніе Императрицы Елисаветы Петровны онъ привѣтствовалъ торжественной одой, въ которой прославлялъ миролюбивое царствованіе «дщери Петрова» на пользу наукъ и родного просвѣщенія.

Благоденствію мирнаго времени посвящены слѣдующія вступительныя строки:

«Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ

И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь мудрою рукою
Свое богатство по земли...

Ода заканчивается такимъ обращеніемъ къ юношеству и прославленіемъ наукъ:

«О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество изъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ изъ странъ чужихъ!
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ,
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Въ послѣдующіе годы Ломоносовъ написалъ цѣлый рядъ стихотворныхъ произведеній на различныя торжества въ честь Государыни. Этотъ родъ его дѣятельности подалъ поводъ къ тому, что его стали называть «пѣвцомъ Елисаветы».

Въ Академіи Ломоносову жилось не легко. Мѣсто адъюнкта или помощника профессора онъ получилъ лишь въ 1742 году и то благодаря особому прошенію на имя благоволившей къ нему Импе-

ратрицы, а званіе профессора ему было присвоено лишь нѣсколько лѣтъ спустя.

Императрица Елисавета Петровна.

Причина подобнаго положенія нашего молодого ученаго вытекала изъ всего уклада Академіи.

Академія Наукъ.

РѢШЕНІЕ ОСНОВАТЬ АКАДЕМІЮ возникло у Императора Петра Великаго еще въ то время, когда онъ, при поѣздкѣ за границу въ 1697 году, познакомился съ великимъ ученымъ Лейбницемъ—учителемъ Вольфа. Въ то время Лейбницъ былъ захваченъ величественнымъ планомъ учрежденія «ученаго общества или братства во всемъ мірѣ». Этимъ путемъ онъ стремился къ объединенію трудовъ и открытій всѣхъ ученыхъ.

Наша Академія, по мысли Императора, должна была стремиться къ совершенствованію наукъ и къ насажденію ихъ въ Россіи. При Академіи предполагался университетъ для подготовки русскихъ ученыхъ, а при университетѣ—гимназія, подготовлявшая своихъ учениковъ въ студенты университета. Главное управленіе Академіей возлагалось на ея президента.

Наша Академія была открыта 27 декабря 1725 года, т. е. черезъ полгода послѣ смерти Императора Петра Великаго. Она начала дѣйствовать безъ русскихъ научныхъ силъ, которыхъ тогда еще не было въ Россіи. Первыми профессорами въ Академіи и преподавателями въ гимназическихъ классахъ были нѣмецкіе ученые. Выборомъ послѣднихъ очень внимательно руководилъ Вольфъ, благодаря чему получился выдающійся составъ съ нѣсколькими великими именами во главѣ.

Но большинство этихъ руководителей нашей Академіи были чужды Россіи: они не понимали ея языка, не проникались ея нуждами и не дорожили ея успѣхами.

Императорская Академія Наукъ въ С.-Петербургѣ.

Препятствія.

О ВРЕМЕНИ поступленія въ Академію Ломоносова дѣла въ ней обстояли много хуже, чѣмъ при ея основаніи. Лучшіе ученые покинули ее, а оставшіеся не могли противодѣйствовать установившейся неурядицѣ. Всевластная канцелярія являлась «ярмомъ для Академіи». Президентъ, графъ К. Г. Разумовскій, «могъ бы», какъ

Графъ К. Г. Разумовскій.

утверждалъ Ломоносовъ, «много сдѣлать, когда бы хоть немного больше вникалъ въ дѣла академическія».

А между тѣмъ Академія нуждалась въ очень многомъ. Она дѣйствовала безъ устава, вслѣдствіе

чего не были разграничены права и обязанности служащихъ; на ея содержаніе отпускались недостаточныя средства, поступавшія къ тому же крайне неисправно. Самое распредѣленіе получавшихся суммъ также не отличалось правильностью: чаще всего лица, заправлявшія канцеляріей, жили въ достаткѣ, а главныя силы—профессора и адъюнкты—терпѣли нужду.

Профессора-иностранцы считали русскихъ неспособными къ наукѣ и смотрѣли свысока на всякаго нашего соотечественника, пытавшагося заняться ученой дѣятельностью.

Еще за границей Ломоносовъ сталъ понимать весь вредъ для Россіи отъ порядковъ и понятій, господствовавшихъ въ нашемъ высшемъ и единственномъ научномъ учрежденіи; но тяжелая дѣйствительность, съ которой онъ столкнулся въ Академіи, превзошла все то, что онъ себѣ представлялъ.

Съ первыхъ же дней своего вступленія въ Академію онъ сталъ отстаивать достоинство русскаго имени, при чемъ академиковъ-чужеземцевъ онъ старался разубѣждать не словами, а своими обширными, разносторонними и цѣнными научными трудами.

Но всѣмъ его лучшимъ начинаніямъ противодѣйствовали жестоко и упорно: задерживали его хлопоты объ учрежденіи при Академіи первой въ Россіи лабораторіи; препятствовали его преподаванію въ университетѣ и въ гимназіи; мѣшали его работамъ по изслѣдованію Россіи; останавливали печатаніе его трудовъ; затрудняли полученіе отвѣтовъ на его вопросы о необходимости развитія образованія.

Всѣ эти намѣренныя препятствія вызывали непріязненныя отношенія Ломоносова къ большинству профессоровъ. Своихъ противниковъ онъ окрестилъ общимъ именемъ «гонители россійскихъ наукъ». Только подъ конецъ своей многотрудной и полезной дѣятельности ему удалось нѣсколько сломить этихъ «гонителей», благодаря покровительству Императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины II и теплому участію такихъ просвѣщенныхъ вельможъ, какъ графы И. И. Шуваловъ и М. Л. Воронцовъ.

Графъ И. И Шуваловъ.

Графъ М. Л. Воронцовъ.

Труды и заслуги.

ДНО перечисленіе всѣхъ трудовъ Ломоносова потребовало бы многихъ страницъ; тѣмъ больше ихъ понадобилось бы для ознакомленія съ содержаніемъ и значеніемъ этихъ трудовъ. Врядъ ли, наконецъ, и теперь, спустя свыше столѣтія, найдется такой ученый, который счелъ бы себя основательно знающимъ всѣ тѣ науки, какихъ Ломоносовъ касался въ своихъ многоразличныхъ работахъ.

Въ 1865 году, когда вся Россія чествовала память этого великаго человѣка, оцѣнка его заслугъ была сдѣлана цѣлымъ рядомъ профессоровъ различныхъ наукъ, въ которыхъ прославился Ломоносовъ.

Пушкинъ своимъ мѣткимъ словомъ такъ изобразилъ Ломоносова: «Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Жажда науки была сильнѣйшей страстью сей души, исполненной страстей. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ, онъ все испыталъ и все проникъ».

Дѣятельность Ломоносова, этого человѣка, котбрый «все могъ дѣлать, умѣлъ дѣлать и хотѣлъ дѣлать», была посвящена наукѣ и просвѣщенію.

Его научные труды были многочисленны и разнообразны. Болѣе крупные изъ нихъ были посвящены установленію законовъ электричества, свѣта, рожде-

нія металловъ, землетрясеній, происхожденія каменнаго угля и т. п.

При этомъ, если того требовали обстоятельства, онъ являлся и изобрѣтателемъ и мастеромъ: онъ придумывалъ и изготовлялъ физическіе приборы, производилъ химическіе опыты и создалъ цѣлую фабрику разноцвѣтныхъ стеколъ или мозаики.

Объ этихъ трудахъ профессоръ Эйлеръ, одинъ изъ великихъ ученыхъ, сказалъ, что они «не токмо хороши, но и весьма превосходны, ибо Ломоносовъ пишетъ о матеріяхъ физическихъ и химическихъ весьма нужныхъ, которыхъ понынѣ не знали и истолковать не могли самые остроумные люди».

Леонардъ Эйлеръ.

Но какъ ни превосходны были эти изслѣдованія Ломоносова, явившагося нашимъ первымъ ученымъ, не они сдѣлали его имя незабвеннымъ для Россіи. Онъ обезсмертилъ себя тѣмъ, что создалъ изящный русскій языкъ, установилъ его законы и положилъ основаніе нашей художественной литературѣ.

Краеугольнымъ камнемъ этихъ великихъ трудовъ Ломоносова явилась его «Грамматика россійскаго языка». Свой взглядъ на грамматику вообще, и на русскую, въ частности, Ломоносовъ опредѣлилъ слѣ-

дующими словами: «Общая грамматика есть философское понятіе всего человѣческаго слова; а особливая, какова россійская, есть знаніе, какъ говорить и писать чисто россійскимъ языкомъ».

Грамматика Ломоносова была первой истинно научной книгой о правилахъ народнаго языка; въ ней же впервые были собраны многочисленные образцы народной рѣчи. По ней не только обучались въ теченіе цѣлаго столѣтія, но почти всѣ установленные въ ней основные законы языка остаются незыблемыми до сего времени.

До Ломоносова въ Россіи были народный говоръ и церковно-славянская рѣчь; преобладали «дикія и странныя» слова въ гражданскихъ книгахъ; но не было того русскаго языка, какимъ впервые заговорилъ Ломоносовъ, и какой на долгое время сталъ образцомъ для нашихъ лучшихъ писателей.

Свои мысли о созданіи изящнаго русскаго языка онъ особенно полно высказалъ въ разсужденіи «О пользѣ книгъ церковныхъ». Онъ утверждалъ, что «россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ утвердится, коль долго церковь россійская славославіемъ Божіимъ на славянскомъ языкѣ украшаться будетъ»; но въ то же время онъ стремился къ тому, чтобы живое и «чистое россійское слово» было тѣсно связано съ великорусской рѣчью.

Красотѣ и выразительности слова Ломоносовъ придавалъ громадное значеніе. Еще раньше грамматики и разсужденія о славянскомъ языкѣ онъ выпустилъ «Краткое руководство къ краснорѣчію». Это руководство, помимо своей научной стороны, было замѣчательно еще тѣмъ, что оно, благодаря

Титульный листъ къ „Россійской грамматикѣ“.

помѣщеннымъ въ немъ прекраснымъ произведеніямъ для легкаго чтенія, сдѣлалось любимой книгой русскаго читателя того времени.

Труды Ломоносова на пользу просвѣщенія, которому онъ съ особеннымъ увлеченіемъ отдавалъ всѣ свои богатыя дарованія—горячее сердце, талантъ писателя, даръ краснорѣчія, многочисленныя знанія —охватывали нужды всей Россіи.

Его стихотворенія, въ которыхъ онъ съ глубокимъ воодушевленіемъ возсылалъ хвалу Всевышнему Владыкѣ, восторгался величіемъ природы и превозносилъ науку, являлись откровеніемъ для современниковъ. Къ числу такихъ произведеній принадлежатъ его извѣстныя оды «Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ» и «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія».

Въ «Утреннемъ размышленіи» Ломоносовъ въ слѣдующихъ стихахъ изображаетъ восходъ солнца:

«Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли
И Божія дѣла открыло:
Мой духъ, съ веселіемъ внемли!
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!
Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззрѣть:
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.
Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;

Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.
Сія ужасная громада
Какъ искра предъ тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творить намъ повелѣлъ!»

Его научныя рѣчи, неизмѣнно отличавшіяся ясностью и красотой изложенія, приковывали къ себѣ вниманіе высшихъ слоевъ общества.

Московскій университетъ.

Нашъ старѣйшій Московскій университетъ, основанный 12 января 1755 года, также очень многимъ обязанъ Ломоносову, стремившемуся къ тому, чтобы новый разсадникъ высшаго образованія «служилъ во всѣ будущіе годы».

По своимъ способностямъ и наклонностямъ Ломоносовъ тяготѣлъ къ занятіямъ наукой. Никакія препятствія и даже опасности не могли отвратить его отъ этихъ любимыхъ занятій.

Въ 1753 году онъ совмѣстно съ академикомъ Рихманомъ работалъ надъ изслѣдованіемъ воздушныхъ явленій, происходящихъ отъ электричества. При одномъ изъ этихъ опытовъ Рихманъ былъ убитъ громомъ. Сообщая объ этомъ несчастьѣ графу Шувалову, Ломоносовъ писалъ: «Что я отнынѣ къ Вашему Превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живъ ли я, или мертвъ. Я вижу, что г. профессора Рихмана громомъ убило въ тѣхъ-же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ въ то-же время». Однако онъ и послѣ того съ настойчивостью истиннаго ученаго продолжалъ эти опасные опыты и добился блестящаго открытія, которое онъ изложилъ въ своей рѣчи подъ названіемъ «Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ».

Академикъ Рихманъ.

Онъ признавался даже, что занятія физикой и химіей служатъ ему «успокоеніемъ отъ трудовъ».

Но какъ часто разнообразныя нужды родины отвлекали его отъ любимаго дѣла.

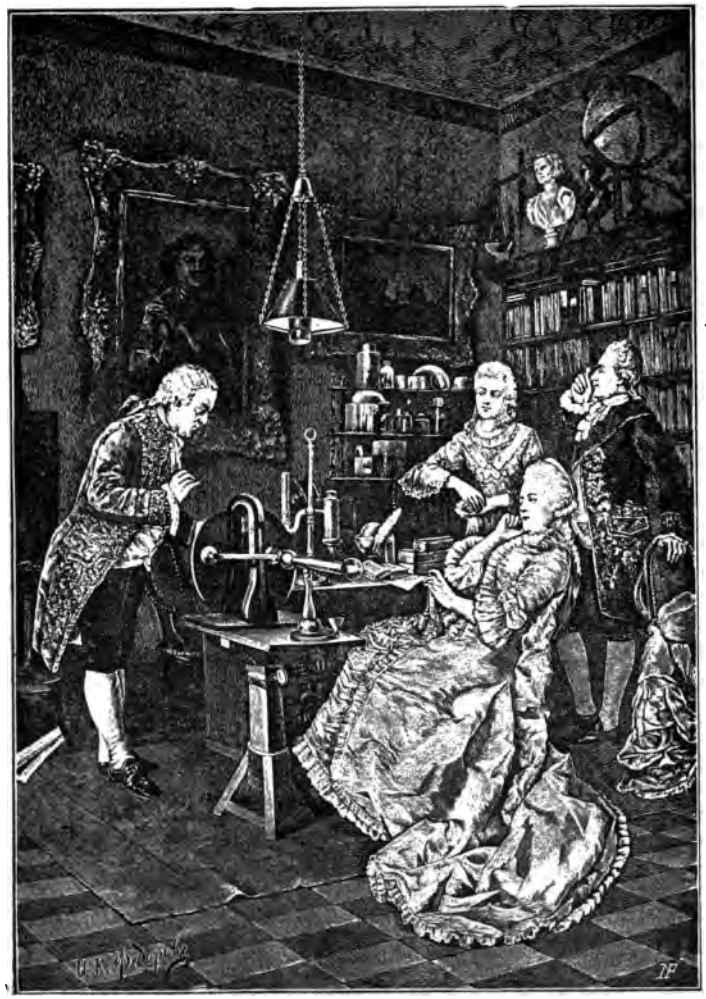
Однимъ изъ поучительныхъ памятниковъ неусыпныхъ заботъ Ломоносова о пользахъ отечества

является его письмо, въ которомъ онъ излагаетъ «Старыя мысли, простирающіяся къ приращенію общественной пользы». Эти «старыя мысли», оказавшіяся новыми не только для большинства современниковъ Ломоносова, но и для нѣсколькихъ дальнѣйшихъ поколѣній, касались слѣдующихъ вопросовъ первой важности: «о сохраненіи российскаго народа, о истребленіи праздности, о исправленіи нравовъ и о большемъ народа просвѣщеніи, о исправленіи земледѣлія, о исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ, о лучшихъ пользахъ купечества, о лучшей государственной экономіи, о сохраненіи военнаго искусства во время долговременнаго мира».

Школа имени Ломоносова въ деревнѣ Денисовкѣ.

Вѣрнѣйшимъ средствомъ къ благоустройству родины онъ признавалъ распространеніе знанія среди «природныхъ», т. е. русскихъ людей.

Онъ писалъ исторію, составлялъ морскія карты, руководилъ газетой, участвовалъ въ составленіи словаря, обучалъ гимназистовъ и студентовъ, заботился о народномъ образованіи, собиралъ памятники старинной живописи.



Императрица Екатерина II и Ломоносовъ.

Послѣдніе годы.

СКОРѢ послѣ восшествія на престолъ Императрицы Екатерины Великой Ломоносовъ вышелъ въ отставку. Онъ становился жертвой захватившаго его недуга.

Внѣ Академіи онъ оставался около года.

Императрица, желая поддержать великую гордость Россіи, удостоила Ломоносова посѣщенія на его квартирѣ 7 іюня 1764 года.

Счастье Михаила Васильевича было безгранично; онъ готовъ былъ вѣрить, что вернулась къ нему былая мощь, что онъ снова станетъ работать на славу родины.

Но этимъ мечтамъ не суждено было сбыться.

Ломоносовъ скончался 4 апрѣля 1765 года, не дождавшись, выражаясь его словами, «привести въ вожделѣнное теченіе гимназію и университетъ, откуда могутъ произойти многочисленные Ломоносовы».

Онъ разстался съ жизнью въ полномъ сознаніи; почти послѣднія его слова были таковы: «спокойно и равнодушно смотрю на смерть; жалѣю только о томъ, что не могъ совершить всего того, что предпринялъ для пользы Отечества, для приращенія наукъ и для славы Академіи».

Памятникъ Ломоносову на площади въ Архангельскѣ.

ОТРОКЪ.

(Стихотвореніе А. С. Пушкина).

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря;

Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!

Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:

Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.

ШКОЛЬНИКЪ.

(Изъ стихотворенія Н. А. Некрасова).

Скоро самъ узнаешь въ школѣ,
Какъ архангельскій мужикъ,
По своей и Божьей волѣ,
Сталъ разуменъ и великъ.

Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ—
Кто нибудь свезетъ въ Москву,
Будешь въ университетѣ--
Сонъ свершится наяву!

Тамъ ужъ поприще широко:
Знай работай, да не трусь...
Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

ЛОМОНОСОВЪ.

(Изъ стихотворенія А. Н. Майкова).

Въ странѣ угрюмой и суровой,
Гдѣ, отливаясь на снѣгахъ,
По долгимъ зимамъ блескъ багровый
Колышется на небесахъ;

Гдѣ горы льдовъ вздымаютъ волны,
Гдѣ все—лѣсовъ и неба ширь,—
Величьемъ дѣлъ Господнихъ полны,
Встаетъ избранный богатырь:

Великъ, могучъ, какъ та природа
Самъ—какъ одно изъ тѣхъ чудесъ,—
Встаетъ для русскаго народа
Желаннымъ посланцемъ съ небесъ...

О, дивный мужъ!.. Съ челомъ открытымъ,
Съ орлиннымъ взглядомъ, какъ глядѣлъ
На ономъ морѣ Ледовитомъ
На чудеса Господнихъ дѣлъ,—

Наукой осіянъ и рвеньемъ
Къ величью родины горя,
Явился ты—осуществленьемъ
Мечты Великаго Царя!

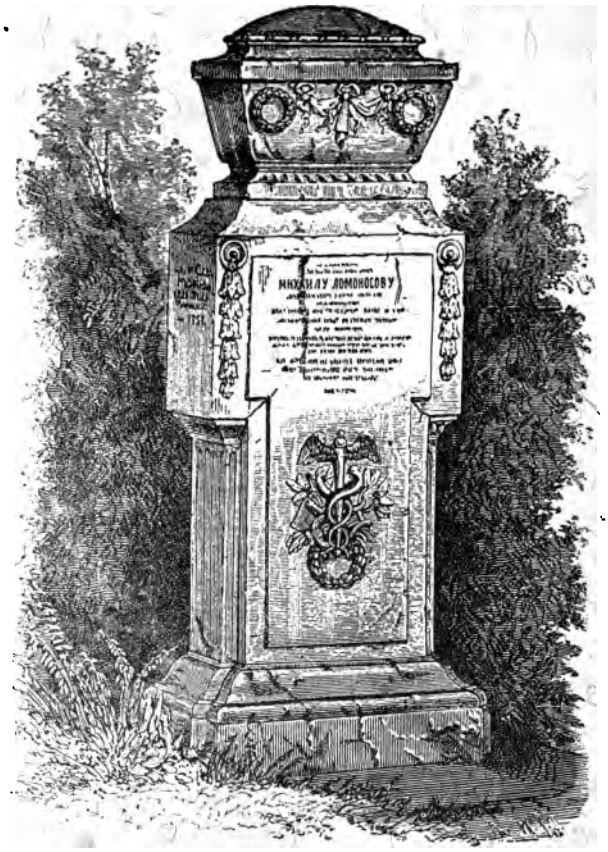
Твоею ревностью согрѣтый,
Очнулся русскій духъ съ тобой;
Ты лучшихъ дѣлъ Елизаветы
Былъ животворною душой.

Ты далъ пѣвца Екатеринѣ,
Всецѣло жилъ въ ея орлахъ,
И отблескъ твой горитъ и нынѣ
На лучшихъ русскихъ именахъ.

ПАМЯТИ М. В. ЛОМОНОСОВА.

(Изъ стихотворенія М. П. Розенгейма).

Искусство, знаніе, науку...
Онъ подарилъ странѣ родной.
Онъ самъ усвоилъ просвѣщенье,
На русской почвѣ закрѣпилъ,
Спасъ нашъ языкъ отъ искаженья,
Его отъ порчи сохранилъ.
Поэтъ, ученый и философъ,
И другъ народа цѣлый вѣкъ—
Таковъ былъ славный Ломоносовъ,
Великій русскій человѣкъ!..

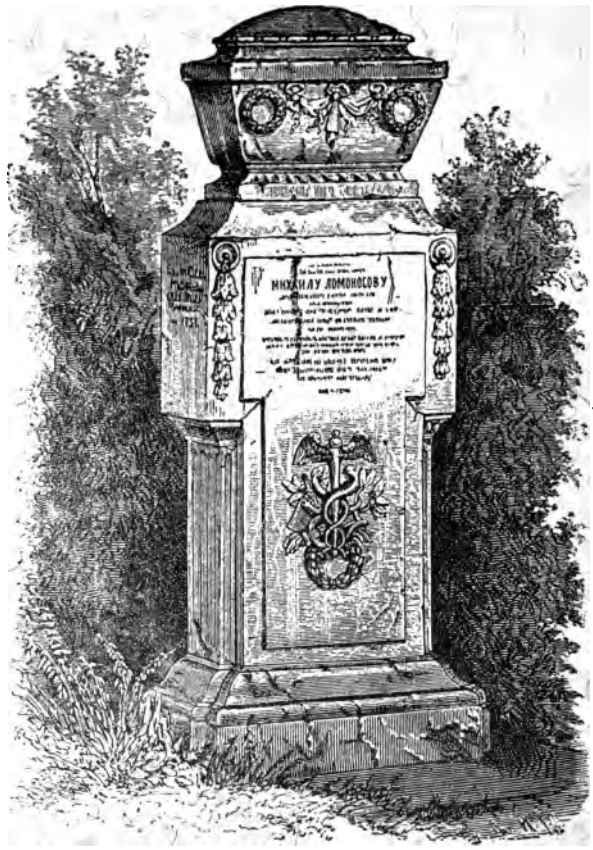


Памятникъ на могилѣ Ломоносова.

PG 3316 .Z6 .P3 C.1
Pamiati Mikhaila Vasilevicha L
Stanford University Libraries
3 6105 038 473 844

	DATE DUE		

STANFORD UNIVERSITY LIBRA
STANFORD, CALIFORNIA
94305



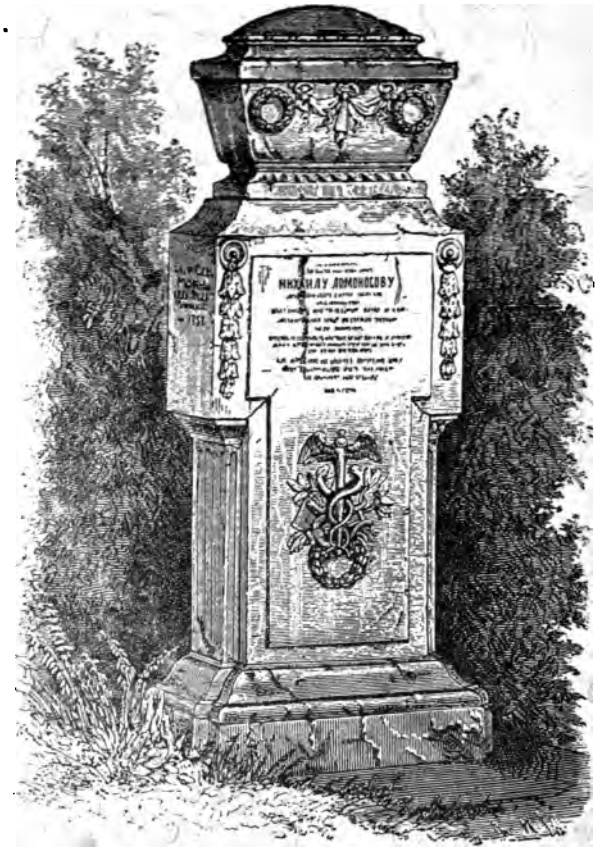
Памятникъ на могилѣ Ломоносова.

P
33
.Z

PG 3316 .Z6 .P3 C.1
Pamiati Mikhaila Vasilevicha L
Stanford University Libraries
3 6105 038 473 844

	DATE DUE		

STANFORD UNIVERSITY LIBRAR
STANFORD, CALIFORNIA
94305



Памятникъ на могилѣ Ломоносова.

PG 3316 .Z6 .P3 C.1
Pamiati Mikhaila Vasilevicha L
Stanford University Libraries
3 6105 038 473 844

	DATE DUE		

STANFORD UNIVERSITY LIBRA
STANFORD, CALIFORNIA
94305

PG
3317
N6A6
1891

P210-2710

STANFORD
LIBRARIES

„УЧЕБ ЛІОТЕКА".

ИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ

НОВИКОВЪ.

Кому не извѣстно, хотя по наслышкѣ имя Новикова? Какъ жаль, что мы такъ мало имѣемъ свѣдѣній объ этомъ необыкновенномъ и, смѣю сказать, великомъ человѣкѣ!

(Бѣлинскій).

Редакція и примѣчанія В. Куницкаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тихонова, Садовая д. № 27.
1891.

PG
3317
N6A6
1891

STANFORD
LIBRARIES

„УЧЕБ[illegible]ЛІОТЕКА".

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ НОВИКОВЪ.

Кому не извѣстно, хотя по наслышкѣ имя Новикова? Какъ жаль, что мы такъ мало имѣемъ свѣдѣній объ этомъ необыкновенномъ и, смѣю сказать, великомъ человѣкѣ!

(Бѣлинскій).

Редакція и примѣчанія В. Куницкаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая д. № 27.
1891.

Русскій отдѣлъ «Учебной библіотеки» будетъ состоять изъ слѣдующихъ выпусковъ: 1) Лѣтопись Нестора.—2) Историческія повѣсти XIII—XV вѣковъ.—3) Поученіе Владиміра Мономаха.—4) Проповѣдники XI—XIII вѣковъ.—5) Слово о полку Игоревѣ.—6) Хожденіе игумена Даніила.—7) Избранныя житія святыхъ.—8) Домострой.—9) Іоаннъ Грозный и Курбскій.—10) Котошихинъ.—11) Посошковъ.—12) Кантемиръ.—13) Ломоносовъ.—14) Сумароковъ.—15) Императрица Екатерина II.—16) Державинъ.—17) Новиковъ и сатирическіе журналы XVIII в.—18) Карамзинъ.—19) Фонвизинъ.—20) Народная поэзія.

Въ редакціи принимаютъ участіе слѣдующія лица: В. А. Воскресенскій, П. П. Вѣтвѣницкій, В. П. Геннингъ, М. Е. Добронисцевъ, В. П. Карповъ, Н. С. Карцевъ, В. Н. Куницкій, А. П. Невѣкинъ, В. Д. Сиповскій, Ю. Ю. Цвѣтковскій и В. А. Яковлевъ.

Вышли изъ печати:

1) **Лѣтопись Нестора.** (Ред. и прим. В. А. Яковлева). Ц. **35** к. Ученымъ Комитетомъ М-ва Н. Пр. допущена въ ученическія библіотеки средн. учебн. заведеній.

2) **Слово о полку Игоревѣ.** (Ред. и прим. В. А. Яковлева). Ц. **25** к.

3) **Н. И. Новиковъ.** (Ред. и прим. В. П. Куницкаго). Ц. **35** к.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ **Н. П. Карбасникова** (Спб. 46; Москва, Моховая улица, д. бывш. Коха; Варшава, Нов. Свѣтъ, 67) и др.

„УЧЕБНАЯ БИБЛІОТЕКА“.

Novikov, N.

Nikolai Ivanovich

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ

Novikov

НОВИКОВЪ.

Кому не извѣстно, хотя по наслышкѣ имя Новикова? Какъ жаль, что мы такъ мало имѣемъ свѣдѣній объ этомъ необыкновенномъ и, смѣю сказать, великомъ человѣкѣ!

(Бѣлинскій).

Редакція и примѣчанія В. Куницкаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая д. № 27.
1891.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 мая 1891 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Николай Ивановичъ Новиковъ принадлежитъ къ наиболѣе выдающимся дѣятелямъ русской литературы XVIII вѣка и рѣзко выдѣляется изъ среды современниковъ своимъ обширнымъ образованіемъ, начитанностью и оригинальнымъ, смѣлымъ и самостоятельнымъ образомъ мыслей. Являясь противникомъ матерьялистическихъ ученій французской философіи, онъ одно время близко сошелся съ масонами, которые вели борьбу противъ вредныхъ крайностей этой философіи; но отвлеченный идеализмъ масонства, представлявшій собою другую крайность, также не удовлетворилъ его, и онъ очень скоро вступилъ на иной путь, пошелъ иною, самостоятельной дорогой, усвоивъ и принявъ лишь нѣкоторыя идеи масоновъ и во многомъ расходясь съ ними, хотя и поддерживалъ близкія и дружескія отношенія съ ихъ кружкомъ, къ которому принадлежали тогда лучшіе и образованнѣйшіе люди.

Литературную дѣятельность Новикова можно раздѣлить на два періода: *Петербургскій* и *Московскій*. Живя, въ Петербургѣ, онъ издаетъ рядъ сатирическихъ журналовъ: *Трутень*, *Живописецъ*, *Кошелекъ*, и въ то-же время, серьезно занимается русской исторіей, составляя словарь русскихъ писателей, издавая памятники древне-русской жизни и письменности *(Древняя Россійская Вивліоѳика)*. Но съ 1777 года направленіе его литературной дѣятельности значительно измѣняется. Увлеченный идеями масонства, онъ приступаетъ въ это время къ изданію періодическихъ сочи-

ненiй, проникнутыхъ отвлеченнымъ идеализмомъ и имѣющихъ нравоучительный и философскiй характеръ (*С.-Петербургскiя Ученыя Вѣдомости* и *Утренний Свѣтъ*). Когда-же въ 1779 году Новиковъ переселяется въ Москву, то сначала онъ продолжаетъ издавать тамъ *Утренний Свѣтъ*, а затѣмъ приступаетъ къ изданiю научно-философскихъ журналовъ съ болѣе серьезнымъ, оригинальнымъ и жизненнымъ направленiемъ. Въ журналахъ этихъ онъ съ одной стороны продолжаетъ борьбу съ энциклопедистами и вреднымъ влiянiемъ ихъ идей (напримѣръ, съ общественною безнравственностью, безвѣрiемъ, матерьялизмомъ), а съ другой является горячимъ защитникомъ просвѣщенiя и науки, нападаетъ на фанатизмъ и крайности мистицизма (которымъ было проникнуто ученье масоновъ). Теперь онъ вновь обнаруживаетъ интересъ къ современной ему русской дѣйствительности, противъ недостаковъ которой снова вооружается сатирой, тогда какъ прежде, согласно воззрѣнiямъ масоновъ, совершенно отказался отъ нея. Весь этотъ переломъ происходитъ въ Новиковѣ не сразу, а постепенно и отражается въ послѣдовательно издаваемыхъ имъ одинъ за другимъ журналахъ: *Московское изданiе*, *Вечерняя Заря*, *Прибавленiе къ Московскимъ Вѣдомостямъ* и *Покоющiйся Трудолюбецъ*. Сатира Новикова, отличавшаяся и въ петербургскихъ его журналахъ сознательностью и серьезностью, становится теперь, въ *Покоющемся Трудолюбцѣ*, еще серьезнѣе. Сквозь смѣхъ и остроумную шутку въ ней проглядываетъ глубокая и серьезная мысль, и нерѣдко статья, начинающаяся осмѣянiемъ какого-либо безобразнаго общественнаго явленiя, кончается разсужденiемъ, въ которомъ слышится философская идея, вытекающая изъ своеобразнаго мiросозерцанiя Новикова.

Кромѣ журнальной и литературной дѣятельности, Новиковъ принесъ еще огромную пользу русскому просвѣщенiю, какъ учредитель и руководитель «Дружескаго ученаго общества», печатавшаго дешевыя и полезныя книги, открывавшаго книжные магазины и типографiи не только въ Москвѣ, но и въ провинцiи. На средства этого общества были учреждены и

первыя въ Россіи безплатныя школы для народа, и больницы, и аптеки; оно-же организовало денежную помощь бѣднымъ и раздачу хлѣба голодающимъ въ неурожайные годы.

Насчетъ того, многое-ли въ журналахъ Новикова принадлежитъ его собственному перу, т. е. былъ ли онъ только издателемъ или и авторомъ, воззрѣнія ученыхъ, занимавшихся изслѣдованіемъ его литературной дѣятельности, расходятся. Одни думаютъ, что онъ писалъ очень мало, другіе полагаютъ наоборотъ, что хотя у него и были сотрудники (Императрица Екатерина, Аблесимовъ, В. Майковъ, Поповскій, М. Поповъ, Рубанъ, Сумароковъ, Сушкова, И. П. Тургеневъ, Фонвизинъ, Эминъ), но большую часть всего того, что было помѣщено въ его журналахъ, писалъ онъ самъ. Принимая же во вниманіе, что огромное большинство статей въ журналахъ Новикова не подписано, и что во всякомъ случаѣ онъ помѣщалъ въ своихъ изданіяхъ только то, чему сочувствовалъ и съ чѣмъ былъ согласенъ, мы думаемъ, что при выборѣ матеріала изъ сочиненій и изданій Новикова нѣтъ никакой надобности останавливаться надъ вопросомъ, самъ или не самъ онъ писалъ ту или другую статью, а слѣдуетъ руководиться лишь относительною важностью и значеніемъ ея для характеристики того направленія, котораго держался журналъ. Вотъ почему мы помѣстили въ нашемъ изданіи, предназначенномъ для учащагося юношества, не только статьи, очевидно принадлежащія самому Новикову, или такія, принадлежность которыхъ его перу болѣе вѣроятна, но также и статьи, почти безъ всякаго сомнѣнія написанныя не имъ (напримѣръ, *письма къ Ѳалалею*), стараясь выбирать изъ богатаго и разнообразнаго матеріала, который представляютъ собою Новиковскіе журналы, то, что ихъ наиболѣе и наилучше характеризуетъ и въ то же время подходитъ къ цѣлямъ нашей книжки.

Изъ журналовъ петербургскаго періода мы взяли, во-первыхъ, лучшія сатирическія статьи *Трутня*, *Живописца* и *Кошелька*, раздѣливъ ихъ на 5 группъ, соотвѣтственно главнѣйшимъ вопросамъ и явленіямъ русской жизни, которыхъ каса-

лись эти журналы, а во-вторыхъ, одинъ отрывокъ изъ *Санктпетербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостей*, который вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ понятіе и о *Древней Россійской Вивліоѳикѣ*. Изъ журналовъ московскаго періода мы взяли, во-первыхъ, заключительную статью изъ *Утренняго Свѣта*, характеризующую нравственно-философскій идеализмъ Новикова, а во-вторыхъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ статей и отрывковъ изъ *Покоющагося Трудолюбца*.

Изъ сочиненій о дѣятельности и литературныхъ трудахъ Новикова наиболѣе замѣчательны два:

1) *Лонгинова*: «Новиковъ и Московскіе Мартинисты», 1867 г.

2) *Незеленова*: «Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 г.», 1875 г.

Кромѣ того, о Новиковѣ и его журналахъ говорится во многихъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ, посвященныхъ русской литературѣ XVIII вѣка. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

1) *М. Евгенія*: «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей».

2) *Аѳанасьева*: «Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг.

3) *Ешевскаго:* «Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній къ статьѣ Новиковъ и Шварцъ» и «Московскіе масоны 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія».

4) *Пыпина*: «Русское масонство въ 18 вѣкѣ».

Примѣчаніе. Въ предлагаемой книгѣ выдержки изъ журналовъ Новикова сдѣланы отчасти по изданіямъ Ефремова и Неустроева, отчасти по подлиннымъ изданіямъ Новикова, при чемъ допущены отступленія отъ орѳографіи подлинника, въ виду ея особенностей, слишкомъ чуждыхъ нашему времени, а также полной неустойчивости и случайнаго характера. Для образца же приводимъ въ концѣ книжки два небольшіе отрывка: а) изъ «Трутня» и б) изъ «Покоющагося Трудолюбца», напечатанные съ сохраненіемъ орѳографіи того времени.

В. К.

I.

Петербургскій періодъ

(1769—1779 г.).

А) Изъ сатирическихъ журналовъ.

1. Взглядъ на сатиру.

1) Письмо Правдулюбова въ V листѣ «Трутня» *), 1769 года.

Господинъ Трутень!

Второй вашъ листокъ написанъ не по правиламъ вашей прабабки **). Я самъ того мнѣнія, что слабости человѣческія сожалѣнія достойны, однакожъ не похвалъ, и никогда того не подумаю, чтобъ на сей разъ не покривила своею мыслію и душою госпожа ваша прабабушка, давъ знать на своей стр. 140, въ раздѣленіи 52, что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оные. Многіе слабой совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ оному человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны, и что должно оныя прикрывать человѣколюбіемъ; слѣдовательно, они порокамъ сшили изъ человѣколюбія кафтанъ; но такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе назвать пороколюбіемъ. По моему мнѣнію, больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ или

*) „Трутень", лучшій изъ сатирическихъ журналовъ Екатерининской эпохи, издавался Новиковымъ въ 1769 и 1770 году въ С.-Петербургѣ.

**) Прабабкою здѣсь названъ журналъ „Всякая Всячина", въ которомъ принимала участіе Императрица Екатерина и который велъ долгую и до-

(сказать по-русски) потакаетъ, и ежели смѣли написать, что учитель, любви къ слабостямъ не имѣющій, оныхъ исправить не можетъ, то и я съ лучшимъ основаніемъ сказать могу, что любовь къ порокамъ имѣющій никогда не исправится. Еще не понравилось мнѣ первое правило упомянутой госпожи, т. е., чтобъ отнюдь не называть слабости порокомъ, будто Іоаннъ и Иванъ не все одно. О слабости тѣла человѣческаго мы разсуждать не станемъ, ибо я не лѣкарь, а она не повивальная бабушка, но душа слабая и гибкая въ каждую сторону направиться можетъ. Да и я не знаю, что, по мнѣнію сей госпожи, значитъ слабость. Нынѣ обыкновенно слабостью называется въ кого-нибудь по уши влюбиться, т. е. въ чужую жену или дочь.... поссорить мужа съ женою или отца съ дѣтьми; и это будто не порокъ? Кои построже меня о томъ при досугѣ разсуждаютъ, назовутъ по справедливости оный беззаконіемъ. Любить деньги есть также слабость, почему слабому человѣку простительно брать взятки и обагощаться грабежами. Пьянствовать также слабость, или еще привычка; однако пьяному можно жену и дѣтей прибить до полу-смерти и подраться съ вѣрнымъ своимъ другомъ. Словомъ сказать, я какъ въ слабости, такъ въ порокѣ не вижу ни добра, ни различія. Слабость и порокъ, по моему, все одно, а беззаконіе—дѣло иное.

На концѣ своего листка ваша госпожа прабабка похваляетъ тѣхъ писателей, кои только угождать всѣмъ стараются, а вы, сему правилу не повинуясь, криводушнымъ приказнымъ и некстати умствующему прокурору не великое сдѣлали угожденіе. Не хочу я васъ побуждать, какъ дѣлаютъ прочіе, къ продолженію сего труда, ниже васъ хвалить; звѣрекъ по когтямъ виденъ. То только скажу,

---

вольно ожесточенную полемику съ Трутнемъ. Въ этой полемикѣ приняли участіе и другіе, издававшіеся въ то время листки: „И то и се“, „Ни то ни се“, „Смѣсь“ и друг. Главнымъ предметомъ споровъ и несогласій между журналами былъ вопросъ о томъ, какой характеръ должна имѣть сатира: легкій, шутливый, вызывающій лишь смѣхъ, или же бичующій, серьезный, вызывающій негодованіе, сожалѣніе къ несправедливо угнетеннымъ и т. д. „Всякая Всячина“ была сторонницею перваго изъ этихъ воззрѣній и жестоко нападала на „Трутень“ за рѣзкость и желчность его сатиры. Она приводила мнѣніе, что къ людямъ и къ ихъ порокамъ слѣдуетъ относиться снисходительнѣе. Письмо Правдулюбова представляетъ собою отвѣтъ на статью, направленную противъ „Трутня“ и помѣщенную во „Всякой Всячинѣ“ на 140 стр. въ 52 раздѣленіи.

что изъ всего поколѣнія вашей прабабки *) вы первый, къ которому я пишу письмо.

Можетъ статься, скажутъ гг. критики, что мнѣ, какъ трутню, съ «Трутнемъ» имѣть дѣло весьма сходно, но для меня разумнѣе и гораздо похвальнѣе быть трутнемъ, чужія дурныя работы повреждающимъ, нежели такою пчелою, которая по всѣмъ мѣстамъ летаетъ и ничего разобрать и найти не умѣетъ. Я хотѣлъ было сіе письмо послать къ госпожѣ вашей прабабкѣ, но она меланхолическихъ **) писемъ читать не любитъ, а въ семъ письмѣ, я думаю, она ничего такого не найдетъ, отчего бы у нея отъ смѣха три дни бока болѣть могли ***).

Покорный вашъ слуга

Правдулюбовъ.

9 Мая, 1769 года.

2) Письмо Правдулюбова въ VIII листѣ «Трутня» 1769 г. ****).

Господинъ издатель!

Госпожа «Всякая Всячина» на насъ прогнѣвалась и наши нравоучительныя разсужденія называетъ ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думаль. Вся ея вина состоитъ въ томъ, что на русскомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ и русскихъ писаній обстоятельно разумѣть не можетъ, а сія вина многимъ нашимъ писателямъ свойственна.

Изъ словъ въ раздѣленіи 52 ею означенныхъ русскій человѣкъ ничего иного заключить не можетъ, какъ только, что господинъ А. правъ, и что госпожа «Всякая Всячина» его критиковала криво.

Въ пятомъ листѣ «Трутня» ничего не писано, какъ думаетъ госпожа «Всякая Всячина», ни противу милосердія, ни противу снисхожденія, и публика, на которую и я ссылаюсь, то разобрать можетъ. Ежели я написалъ, что больше человѣколюбивъ тотъ, кто

*) т. е. изъ всѣхъ сатирическихъ листковъ того времени.

**) Выраженіе „Всякой Всячины“.

***) Выраженіе, встрѣчавшееся во „Всякой Всячинѣ“.

****) На первое письмо Правдулюбова „Всякая Всячина“ отвѣчала статьею на 174—175 стр. въ раздѣленіи 66, въ видѣ возраженія на которую Правдулюбовъ и помѣстилъ въ Трутнѣ свое второе письмо.

исправляетъ пороки, нежели тотъ, кто онымъ потакаетъ, то не знаю, какъ такимъ изъясненіемъ я могъ тронуть милосердіе. Видно, что госпожа «Всякая Всячина» такъ похвалами избалована, что теперь и то почитаетъ за преступленіе, если кто ее не похвалитъ.

Не знаю, почему она мое письмо называетъ ругательствомъ. Ругательство есть брань, гнусными словами выраженная; но въ моемъ прежнемъ письмѣ, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нѣтъ ни кнутовъ, ни висѣлицъ, ни прочихъ слуху противныхъ рѣчей, которыя въ изданіи ея находятся.

Госпожа «Всякая Всячина» написала, что пятый листъ «Трутня» уничтожаетъ. И это какъ-то сказано не по-русски: уничтожить, т. е. въ ничто превратить, есть слово самовластію свойственное, а такимъ бездѣлицамъ, какъ ея листки, никакая власть не прилична; уничтожаетъ верхняя власть какое-нибудь право другимъ. Но съ госпожи «Всякой Всячины» довольно было бы написать, что презираетъ, а не уничтожаетъ мою критику. Сихъ же листовъ множество носится по рукамъ, и такъ ихъ всѣхъ уничтожить не можно.

Она утверждаетъ, что я имѣю дурное сердце, потому что, по ея мнѣнію, исключаю моими разсужденіями снисхожденіе и милосердіе. Кажется, я ясно написалъ, что слабости человѣческія сожалѣнія достойны, но что требуютъ исправленія, а не потачки; и такъ думаю, что сіе мое изъясненіе знающему россійскій языкъ и правду не покажется противнымъ ни справедливости, ни милосердію. Совѣтъ ея, чтобы мнѣ лѣчиться, не знаю, мнѣ ли больше приличенъ, или сей госпожѣ. Она, сказавъ, что на пятый листъ «Трутня» отвѣтствовать не хочетъ, отвѣчала на оный всѣмъ своимъ сердцемъ и умомъ, и вся ея желчь въ ономъ письмѣ сдѣлалась видна. Когда-жъ она забывается и такъ мокротлива, что часто не туда плюетъ, куда надлежитъ, то, кажется, для очищенія ея мыслей и внутренности не безполезно ей и полѣчиться.

Сія госпожа назвала мой умъ тупымъ, потому что не понялъ ея нравоученій. На то отвѣчаю, что и глаза мои того не видятъ, чего нѣтъ. Я тѣмъ весьма доволенъ, что госпожа «Всякая Всячина» отдала меня на судъ публикѣ. Увидитъ публика изъ будущихъ нашихъ писемъ, кто изъ насъ правъ.

Покорный вашъ слуга
Правдулюбовъ.

6 Іюня, 1769 года.

Грубость нравовъ и ненависть къ наукамъ.

1) Изъ статьи, помѣщенной въ 3 и 4 листѣ «Живописца» *).

Принявъ названіе Живописца и сдѣлавшись авторомъ еженеельныхъ листовъ, нечувствительно сдѣлался я должникомъ всѣхъ ихъ читателей. Они безъ сомнѣнія потребуютъ въ каждую неелю полулиста моего сочиненія: я имъ такъ обѣщалъ, и почтенное авторское слово сохраню неотмѣнно. Да для чего-жъ бы и не хранить онаго? По модѣ нашего времени писать не трудно: бладаря Бога, правая рука моя здорова, буквы чертить по бумагѣ учился еще съ ребячества. Я говорю чертить, для того, что российской грамотѣ учился я у дьячка, который и самъ не зналъ никихъ правилъ, а о грамматикѣ и не слыхивалъ; слѣдовательно, гился я искусству попугая и обязьяны: но это разумѣется только россійскомъ языкѣ, которому почти и всѣ обучаются безъ праилъ; и такъ, были бы только чернила, перо, бумага, такъ и сосѣмъ авторъ. О, времена! блаженныя времена, въ которыя, нечась грамотѣ, становятся попами! Нѣкоторые ненавистники письенъ новаго вкуса утверждаютъ, что ко всякому сочиненію потреенъ разумъ, ученіе, критика, разсужденіе, знаніе россійскаго языка правилъ грамматическихъ. — Устыдитесь, государи мои, строгіе дьи, устыдитесь своего мнѣнія; оставьте ваши заблужденія: поотрите только на молодыхъ нашихъ писателей; вы увидите, что и никогда вашимъ не слѣдуютъ правиламъ. Вы то проповѣдуете, го не было или что уже вышло изъ моды: кто же будетъ вамъ ѣдовать? Право никто. По малой мѣрѣ, мы, молодые люди, нигда не отяготимъ памяти своей ненужнымъ знаніемъ, да это и хвально: для чего безъ нужды трудиться? На что разумъ, когда безъ онаго писать можно? Что въ разсужденіи и критикѣ? все захватить автору, надобно и читателямъ что-нибудь оставить. ропади знаніе россійскаго языка, ежели и безъ него можно жить ь большомъ свѣтѣ; а этотъ большой свѣтъ составляютъ почтенные и любезные наши щеголи и щеголихи. Исчезните, правила рамматическія! вы только пустое дѣлаете затрудненіе. А ученіе— , эта ненужная тягость совсѣмъ брошена!

*) Журналъ „Живописецъ“ издавался Новиковымъ въ 1772 и 1773 годахъ въ С.-Петербургѣ, еженедѣльно, по вторникамъ. По своему характеру и содержанію онъ составлялъ какъ бы прямое и непосредственное продолженіе „Трутня“.

Но что я слышу? строгіе, ученые и благоразумные люди негодуютъ, вооружаются противъ меня, хотятъ дѣлать опроверженіе моимъ правиламъ, я пропалъ! Но постойте, государи мои, есть у меня защитники; они за меня отвѣтствовать вамъ будутъ:—благородные невѣжды, вѣтреные щеголи, модныя вертопрашки, на васъ полагаю я надежду, вы держитесь моихъ правилъ: защищайте ихъ.—острые ваши языки къ тому способны. И вы, добрые старички, вы думаете о наукахъ согласно со мною, но по другимъ только причинамъ. Вы разсуждаете такъ: «Дѣды наши и прадѣды ничему не учились, да жили счастливо, богато и спокойно: науки да книги переводятъ только деньги, — какая отъ нихъ прибыль, одно разореніе»!

Дѣтямъ своимъ вы говорите: «Рости только великъ да будь счастливъ, а умъ будетъ»! Прекрасное нравоученіе! неоспоримые доводы! новая истина открывается свѣту!

Благоразумные старцы, премудрые воспитатели, въ вашемъ невѣжествѣ видно нѣкоторое подобіе славнѣйшія въ нашемъ вѣкѣ человѣческія мудрости *Жанъ Жака Руссо* *): онъ разумомъ, а вы невѣжествомъ доказываете, что науки безполезны. Какіе ужасные противоположники соглашаются утвердить вредъ, отъ наукъ происходящій! Въ первый еще разъ сіи непримиримые непріятели, *разумъ* и *невѣжество*, во единомысліе приходятъ. Прорицалище нашего вѣка, славный *Вольтеръ* **), познай свое заблужденіе: старики наши, паче тебя тягостію лѣтъ обремененные, никогда не говорятъ, что на четырехъ ногахъ ходить поздно. Послушаемъ теперь, какъ молодые люди о наукахъ разсуждаютъ.

«Что въ наукахъ? говоритъ *Наркисъ;* астрономія умножитъ ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ?--Нѣтъ: на что-жъ мнѣ она? Математика прибавитъ ли моихъ доходовъ? — Нѣтъ: чортъ ли въ

*) Французскій мыслитель Ж. Ж. Руссо написалъ сочиненіе, на тему: „Способствуютъ-ли наука и литература порчѣ или очищенію нравовъ?“ въ которомъ возставалъ противъ цивилизаціи и доказывалъ, что въ древнія, первобытныя времена люди жили лучше, нравственнѣе и счастливѣе, чѣмъ теперь.

**) Вольтеръ, популярнѣйшій изъ философовъ XVIII столѣтія, написалъ очень много, какъ философскихъ, такъ и беллетристическихъ произведеній; главныя изъ нихъ слѣдующія: Dictionnaire philosophique, поэма Генріада, романы и сказки.

ней! Физика изобрѣтетъ ли новыя таинства въ природѣ, служащія къ моему украшенію? — Нѣтъ: куда она годится?! Исторія покажетъ ли мнѣ человѣка, который бы былъ прекраснѣе меня?—Нѣтъ: какая-жъ въ ней нужда? Географія сдѣлаетъ ли меня любезнѣе?—Нѣтъ: такъ она и не достойна моего вниманія! Прочія всѣ науки могутъ ли произвесть чудо, чтобы красавицы въ меня не влюблялись?—Нѣтъ, это невозможность: слѣдовательно, для меня всѣ онѣ безполезны. А о словесныхъ наукахъ и говорить нечего. Одна только изъ нихъ заслуживаетъ нѣсколько мое вниманіе: это стихотворство, да и оно нужно мнѣ тогда только, когда захочется написать пѣсенку. Я бы началъ обучаться оному, да то бѣда, что я не знаю русскаго языка. Покойный батюшка его терпѣть не могъ да и всю Россію ненавидѣлъ и сожалѣлъ, что онъ въ ней родился; полно этому дивиться нечего: она и подлинно это заслуживаетъ — человѣкъ съ моими достоинствами не можетъ найти счастія! То, что я имѣю, другой почелъ бы счастіемъ, но для меня этого мало. О, Россія, Россія! когда научишься ты познавать достоинства людскія!» Такъ разсуждаетъ *Наркисъ*. Достоинства его слѣдующія: танцуетъ прелестно, одѣвается щегольски, поетъ, какъ ангелъ, красавицы почитаютъ его *Адонидомъ*, а солюбовники *Марсомъ*, и всѣ его трепещутъ; да и есть чего страшиться, ибо онъ уже принялъ нѣсколько уроковъ отъ французскаго *шпагобойца*. Къ исполненію его достоинствъ играетъ онъ во всѣ карточныя игры совершенно, а при томъ разумѣетъ по-французски. Не завидный ли это молодецъ? Не совершенный ли онъ человѣкъ? Читатель, скажи мнѣ на ухо, каковы будутъ дѣти *Наркисовы*.

Худовоспитанникъ говоритъ: «Науки никакой не могутъ принести мнѣ пользы: я опредѣлилъ себя къ военной службѣ, и я имѣю уже офицерскій чинъ. Науки сдѣлаютъ-ли меня смѣлѣе? прибавятъ-ли мнѣ храбрости? сдѣлаютъ-ли исправнѣйшимъ въ моей должности? — Нѣтъ: такъ онѣ для меня и не годятся. Моя наука въ томъ состоитъ, чтобы умѣть кричать: пали! коли! руби! и быть строгу до чрезвычайности къ своимъ подчиненнымъ. Науки да книги умягчаютъ сердце, а отъ мягкосердечія до трусости одинъ только шагъ. И такъ пусть учатся и читаютъ книги люди праздные, а я храбростью одною найду себѣ счастіе». *Худовоспитанникъ* точно такъ и поступаетъ: его называютъ храбрымъ офицеромъ, похваляютъ; отецъ его радуется, что имѣетъ столь любез-

наго сына. Наконецъ по многимъ храбрымъ его поступкамъ сдѣлалъ онъ прехрабое дѣло: его пожаловали бы большимъ чиномъ, еслибы онъ что-нибудь разумѣлъ, опричь науки рубить шпагою. Но тутъ уже смотрятъ на него другими глазами и говорятъ: «Онъ былъ наилучшій офицеръ, когда былъ подъ командою, но будетъ самый худой начальникъ. Какъ повѣрить ему полкъ? Онъ ничему не учился, ничего не читалъ и ничего не знаетъ. Вмѣсто большого чина даютъ ему деньги: онъ считаетъ себя обиженнымъ, думая, что когда былъ онъ хорошимъ офицеромъ, то былъ бы еще лучшимъ начальникомъ. Онъ идетъ въ отставку и говоритъ: достоинства не награждаются. *Худовоспитанникъ* пріѣзжаетъ въ другую непріятельскую землю, а именно во свое помѣстье. Служа въ полку, собиралъ онъ иногда съ непріятелей контрибуцію, а здѣсь со крестьянъ своихъ собираетъ тяжкія подати. Тамъ рубилъ невѣрныхъ, а здѣсь сѣчетъ и мучитъ правовѣрныхъ. Тамъ не имѣлъ онъ никакія жалости; нѣтъ у него и здѣсь никому и никакой пощады, и если бы можно ему было со крестьянами своими поступать въ силу военнаго устава, то не отказался бы онъ ихъ *аркибузировать* *). Тамъ отнятіемъ непріятельскихъ земель служилъ онъ отечеству, а здѣсь отнятіемъ оныхъ у маломощныхъ своихъ сосѣдей дѣлается преступникомъ законовъ отечества. Правильно говорилъ *худавоспитанникъ*, что науки для него безполезны; не нужны онѣ ему были въ военной службѣ, а въ отставкѣ и совсѣмъ не годятся!...

2) Письма отца и матери къ Ѳалалею, помѣщенныя въ 23 и 24 листахъ «Живописца».

А) Сыну моему Ѳалалею.

Такъ-то ты почитаешь отца твоего, заслуженнаго и почтеннаго драгунскаго ротмистра? тому-ли я тебя проклятаго училъ и тоголи отъ тебя надѣялся, чтобы ты на старости отдалъ меня на посмѣшище цѣлому городу? Я писалъ къ тебѣ окаянному въ наставленіе, а ты это письмо отдай напечатать **). Погубилъ ты, супо-

*) Т. е. разстрѣлять.

**) Первое письмо отца къ Ѳалалею было напечатано въ 15 листѣ „Живописца“.

статъ, мою головушку: пришло съ ума сойти! Слыханое-ли это дѣло, чтобы дѣти надъ отцами своими такъ ругались! Да знаешь-ли ты это, что я тебя за непочтеніе къ родителямъ, въ силу указовъ, велю высѣчь кнутомъ: меня Богъ и Государь тѣмъ пожаловали, я воленъ и надъ животомъ твоимъ; видно, что ты это позабылъ! Кажется, я тебѣ много разъ толковалъ, что ежели отецъ или мать сына своего и до смерти убьетъ, такъ и за это положено только церковное покаяніе. Эй, сынокъ, спохватись! не сыграй надъ собою шутки: вѣдь недалеко Великій постъ, попоститься мнѣ немудрено; Петербургъ не за горами, я и самъ могу къ тебѣ пріѣхать. Ну, сынъ, я теперь тебя въ послѣдній разъ прощаю, по просьбѣ твоей матери; а ежели бы не она, такъ ужъ бы я далъ тебѣ знать себя. Я бы и ее не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впередъ берегись: вѣдь ежели ты окажешь еще какое ко мнѣ непочтеніе, такъ ужь не жди никакой пощады; я не Сидоровнѣ *) чета: у меня не одинъ мѣсяцъ проохаешь, лишь бы только мнѣ до тебя дорваться. Слушай же, сынокъ, коли ты хочешь опять прійти ко мнѣ въ милость, такъ просись въ отставку да пріѣзжай ко мнѣ въ деревню. Есть кому и безъ тебя служить; пускай кабы не было войны, такъ бы хоть и послужить можно было, это бы свое дѣло **); а то вѣдь ты знаешь, что нынче время военное, неравно какъ пошлютъ въ армію, такъ пропадешь ни за копѣйку. Есть пословица: Богу молись, а самъ не плошись; уберись-ка въ сторонку, такъ это здоровѣе будетъ. Поди въ отставку да пріѣзжай домой: ѣшь досыта, спи, сколько хочешь, а дѣла за тобой никакого не будетъ. Чего тебѣ лучше этого? За честью, свѣтъ, не угоняешься; честь, честь! худая честь, коли нечего будетъ ѣсть. Пусть у тебя не будетъ Егорья, да будешь ты зато поздоровѣе всѣхъ Егорьевскихъ кавалеровъ. Съ Егорьемъ-то и молодые люди частехонько поохиваютъ, а которые постарѣе, такъ тѣ чуть дышатъ: у кого руки перестрѣлены, у кого ноги, у иного голова; такъ радостно-ли отцамъ смотрѣть на дѣтей изуродованныхъ? и невѣста ни одна не пойдетъ. А я тебѣ уже и пріискалъ было невѣсту. Дѣвушка неубогая, грамотѣ и писать умѣетъ, а пуще всего великая экономка: у нея ни синій

---

*) Сидоровна — мать Ѳалалея.

**) Т. е. другое дѣло.

порохъ даромъ не пропадетъ; такую-то, сынокъ, я тебѣ невѣсту сыскалъ. Дай только Богъ вамъ совѣтъ да любовь, да чтобы тебя отпустили въ отставку. Пріѣзжай, другъ мой; тебѣ будетъ, чѣмъ жить, опричь невѣстина приданаго: я накопилъ довольно. Я и позабылъ было тебѣ сказать, что нареченная твоя невѣста двоюродная племянница нашему воеводѣ; вѣдь это, другъ мой, не шутка: всѣ наши спорныя дѣла будутъ рѣшены въ нашу пользу, и мы съ тобою у иныхъ сосѣдей землю обрѣжемъ по самыя гумна; то-то любо! и курицы некуда будетъ выпустить. Со всѣмъ будемъ ѣздить въ городъ; то-то, Ѳалалеюшка, будетъ намъ житье! никто не куркай. Да, полно, что тебя учить, ты вѣдь уже не малый ребенокъ, пора своимъ умомъ жить. Ты видишь, что я тебѣ не лиходѣй, учу всегда доброму, какъ бы тебѣ жить было по-пригоднѣе. Да и дядя твой Ермолай чуть таки не то-же ли тебѣ совѣтуетъ; онъ хотѣлъ писать къ тебѣ съ тѣмъ же ѣздокомъ. Мы съ нимъ объ этомъ поговорили довольно, сидя подъ любимымъ твоимъ дубомъ, гдѣ, бывало, ты въ молодыхъ лѣтахъ забавлялся: вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ, которыя худо гонялись за зайцами, и сѣкалъ охотниковъ за то, когда собаки ихъ перегоняли твоихъ. Куда какой ты былъ проказникъ съ молоду! Какъ бывало примешься пороть людей, такъ пойдетъ крикъ такой и хлопанье, какъ будто за уголовье въ застѣнкѣ сѣкутъ: таки-бывало животики надорвемъ со смѣха. Молись другъ мой, Богу! Ума у тебя довольно: можно вѣкъ прожить. Не испугайся, Ѳалалеюшка, у насъ нездорово: мать твоя Акулина Сидоровна лежитъ при смерти. Батька Иванъ исповѣдалъ ее и масломъ особоровалъ. А занемогла она, другъ мой, отъ твоей охоты: Налетку твою кто-то съѣздилъ полѣномъ и перешибъ крестецъ; такъ она, голубушка моя, какъ услышала, такъ и свѣту Божьяго не взвидѣла: такъ и повалилась. А послѣ, какъ опомнилась, то пошла это дѣло разыскивать, и такъ надсадила себя, что чуть жива пришла, и повалилась на постелю; да къ тому же выпила студеной воды цѣлый жбанъ, такъ и присунулась къ ней огневица. Худа, другъ мой, мать твоя, очень худа! на ладонъ дышитъ; я того и жду, какъ пошлетъ Богъ по душу. Знать, что, Ѳалалеюшка, разставаться мнѣ съ женою, а тебѣ и съ матерью и съ Налеткою: и она не лучше матери. Тебѣ, другъ мой, все-таки легче моего: Налеткины щенята, слава Богу, живы — авось-таки который-нибудь удастся по матери, а мнѣ ужъ эдакой жены не нажить. Охти мнѣ,

пропала моя головушка! Гдѣ мнѣ за всѣмъ одному усмотрѣть! Не сокруши ты меня, пріѣзжай да женись, такъ хоть-бы тѣмъ я порадовался, что у меня была-бы невѣстка. Тошно, Ѳалалеюшка, съ женою разставаться: я-было ужъ къ ней привыкъ, тридцать лѣтъ жили вмѣстѣ, какъ у печки погрѣлся! Виноватъ я передъ нею: много побита она отъ меня на своемъ вѣку; ну, да какъ безъ этого: живучи столько вмѣстѣ, и горшокъ съ горшкомъ столкнется, какъ безъ того! Я крутъ больно, а она неуступчива, такъ бывало хоть маленько, такъ тотчасъ и дойдетъ до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была. Учись, сынокъ, какъ жить съ женою: мы хоть и дрались съ нею, да все-таки живемъ вмѣстѣ, и мнѣ ее теперь, право, жаль. Худо, другъ мой: и ворожеи не помогаютъ твоей матери; много ихъ приводили, да пути нѣтъ, лишь только деньги пропали. За симъ писавый кланяюсь, отецъ твой Трифонъ благословеніе тебѣ посылаю.

Б) Свѣтъ мой, Ѳалалей Трифоновичъ!

Что ты это, другъ мой сердечный, накудесилъ? пропала-бы твоя головушка; вѣдь ты уже не теперь знаешь Панкратьевича: какъ ты себя не бережешь? Ну, кабы ты, бѣдненькій, попался ему въ руки, такъ вѣдь-бы онъ тебя изуродовалъ пуще Божьяго милосердія. Нечего, Ѳалалеюшка, норовокъ-атъ у него, прости Господи: чертовскій; ужъ я-ли ему не угождаю, да и тутъ никогда не попаду въ ладъ. Какъ закуролеситъ, такъ и святыхъ вонъ понеси. А ты, батька мой, что это сдѣлалъ: отдай письмо его напечатать. Вѣдь ему всѣ сосѣди смѣются: экій, де, у тебя сынокъ, что и надъ отцомъ ругается. Да полно вѣдь, Ѳалалеюшка, всѣхъ рѣчей не переслушаешь: мало-ли что лихіе люди говорятъ? Богъ съ ними, у нихъ свои дѣтки есть, Богъ имъ заплатитъ. Чужое-то робя всегда худо: наши лучше всѣхъ; а кабы оглянулись на своихъ дѣтокъ, такъ-бы и не то еще увидѣли. Побереги ты, мой батька, самъ себя, не разсерди отца-то еще; съ нимъ и чертъ тогда уже не совладѣетъ. Отпиши къ нему поласковѣе, да хоть солги что-нибудь; вѣдь это не какой грѣхъ — не чужого будешь обманывать, своего родного; и всѣ дѣти не праведники: какъ передъ отцомъ не солгать. Отцамъ да матерямъ на дѣтей не насердиться: свой своему поневолѣ другъ. Дай Богъ тебѣ, другъ мой сердечный, здоровья, а я лежу

на смертной постелѣ; не умори ты меня безвременно: пріѣзжай к: намъ поскорѣе; хоть-бы мнѣ на тебя насмотрѣться въ послѣдній разъ. Худо, другъ мой, мнѣ приходитъ; нечего, очень худо! обрадуй свѣтъ мой, меня; ты вѣдь у меня одинъ одинехонекъ, какъ синій порохъ въ глазѣ. Какъ мнѣ тебя не любить; кабы у меня был дѣтей много, то-бы свое дѣло. Заставай, батька мой, меня живую: я тебя благословлю твоимъ Ангеломъ, да отдамъ тебѣ всѣ мои деньженки, которыя украдкою отъ Панкратьевича накопила: вѣдь для тебя-же, мой свѣтъ; отецъ-атъ тебѣ нѣскòлько даетъ денегъ, а твое еще дѣло дѣтское, — какъ не полакомиться, какъ не повеселиться! твои, другъ мой, такія еще лѣта, чтобы забавляться, мы и сами съ молоду таковы-же бывали. Веселись, мой батюшка, веселись: придетъ такая пора, что и веселье на умъ не пойдетъ. Посла́ла я къ тебѣ, Ѳалалеюшка, сто рублей денегъ; только ты об нихъ къ отцу ничего не пиши: я это сдѣлала украдкою; кабы он свѣдалъ про это, такъ-бы меня, свѣтъ мой, забранилъ. Отцы-т всегда таковы: только что брюжжатъ на дѣтей, а никогда не потѣшатъ. Мое, другъ мой, не отцовское сердце, материнское: послѣднюю копѣйку изъ-за души отдамъ, лишь-бы ты былъ веселъ и здоровъ. Батька ты мой, Ѳалалей Трифоновичъ, дитя мое умное, дит разумное, дитя любезное, свѣтъ мой, умникъ, худо мнѣ приходит Какъ мнѣ съ тобою разставаться будетъ? на кого я тебя покину Погубитъ онъ, супостатъ, мою головушку! этотъ старый хрыч когда-нибудь тебя изуродуетъ. Береги, мой свѣтъ, себя, какъ можн береги; плетью обуха не перебьешь; что ты съ эдакимъ чертомъ прости Господи, сдѣлаешь!? Пріѣзжай, мой батька, къ намъ въ деревню, какъ-таки можно—пріѣзжай: дай мнѣ на себя насмотрѣться: сердце мое послышало, что приходитъ мой конецъ. Прости, мой батюшка, прости, свѣтъ мой: благословеніе тебѣ посылаю, мать твоя Акулина Сидоровна, и нижайшій, мой свѣтъ, поклонъ приношу. Прости, голубчикъ мой; не позабудь меня.

3. *Злоупотребленія въ судѣ и администраціи.*

1) Письмо дяди къ племяннику, помѣщенное во II листѣ «Трутня» 1769 г.

Любезный племянничекъ,..... здравствовать тебѣ на вѣки нерушимо желаю.

Увѣдомился я, что ты и по сіе время ни въ какую еще не опредѣлился службу. Отпиши ко мнѣ, правда-ли это; ежели правда,

такъ скажи пожалуй, что ты съ собою задумалъ дѣлать? Я тебя не приневоливаю идти ни въ придворную, ни въ военную службу для сказанныхъ мнѣ тобою причинъ; пусть это будетъ по-твоему; а притомъ и службы сіи никакой не приносятъ прибыли, а только разоренье. Но скажи пожалуй, для чего ты не хочешь идти въ приказную? Почему она тебѣ противна? Ежели ты думаешь, что она по нынѣшнимъ указамъ *) не наживна, такъ ты въ этомъ, другъ мой, ошибаешься. Правда, въ нынѣшнія времена противъ прежняго не придетъ и десятой доли, но со всѣмъ тѣмъ годовъ въ десятокъ можно нажить хорошую деревеньку. Каково-жъ нажиточно бывало прежде, самъ разсуди: нынѣшніе указы много у насъ отняли хлѣба! Тебѣ извѣстно, что по пріѣздѣ моемъ на воеводство, не имѣлъ я за собою больше шестидесяти душъ дворовыхъ людей и крестьянъ, а нынѣ, благодаря Подателя намъ всякихъ благъ, трудами моими и неусыпнымъ попеченіемъ нажилъ около трехсотъ душъ, не считая денегъ, серебра и прочей домашней рухляди, да нажилъ-бы еще и не то, ежели-бы прокуроръ **) со мною былъ посогласнѣе. Но за грѣхи мои наказалъ меня Господь такимъ несговорчивымъ, что какъ его ни уговаривай, только онъ, какъ козьи рога, въ мѣхъ не лѣзетъ, и ежелибы стараніемъ моимъ не склонилъ я на свою сторону товарища, секретаря и прочихъ, такъ-бы у меня въ мошнѣ не было ни пула ***). Прокуроръ нашъ человѣкъ молодой и, сказываютъ, что умный, только я этого не примѣтилъ. Развѣ потому, что онъ въ бытность его въ Петербургѣ накупилъ себѣ премножество книгъ, а пути нѣтъ ни въ одной. Я единожды перебиралъ ихъ всѣ, только ни въ одной не нашелъ, котораго святого въ тотъ день празднуется память: такъ куда онѣ годятся!? Я на всѣ его книги святцевъ своихъ не промѣняю. Научился дѣлать вирши ****), которыми думалъ насъ оплетать; только самъ онъ чаще попадается въ наши верши *****). Мы его частехонько за носъ по-

*) Т. е. указамъ, издававшимся Екатериною II противъ взятокъ.

**) Высшими судебными инстанціями въ губерніяхъ были при Екатеринѣ Уголовная и Гражданская палаты. Для наблюденія за правильнымъ ходомъ дѣлъ въ этихъ палатахъ назначалось отъ правительства особое довѣренное лицо—прокуроръ.

***) *Пуло* мелкая старинная мѣдная монета.

****) Т. е. стихи; *вирши* испорч. латинск. слово *versus*.

*****) *Верши*—рыболовное орудіе изъ древесныхъ прутьевъ.

важиваемъ. Онъ думаетъ, что всѣ дѣла надлежитъ вершить по наукамъ, а у насъ въ приказныхъ дѣлахъ какія науки? кто правъ, такъ тотъ и безъ наукъ правъ, лишь-бы только была у него догадка, какъ приняться за дѣло. А судейская наука вся въ томъ состоитъ, чтобы умѣть искусненько пригибать указы по своему желанію, въ чемъ и секретари много намъ помогаютъ. Правда, что это для молодого человѣка трудно и непонятно, но ты этого не опасайся: я тебя столько научу, сколько самъ знаю. Пожалуйста, Иванушка, послушайся меня, просись къ намъ въ городъ въ прокуроры. Я слышалъ, что тебя многіе знатные господа жалуютъ, такъ это тебѣ тотчасъ сдѣлаютъ. Наживи тамъ себѣ хорошихъ защитниковъ, да и пріѣзжай сюда; тогда весь городъ и уѣздъ по нашей дудкѣ плясать будетъ. Разсуди самъ, какъ этого мѣста лучше желать и покойнѣе! Во всѣхъ дѣлахъ положися на меня, а ты со стороны — ни дай, ни вынеси — будешь брать жалованье, а коли будетъ умъ, такъ и еще жалованьевъ подъ десятокъ въ годъ получишь. Мы такъ искусно будемъ дѣлать, что на насъ и просить нельзя будетъ. А тогда, какъ мы наживемся, хотя и попросятъ, такъ бѣда будетъ невелика: отрѣшатъ отъ дѣлъ и велятъ жить въ своихъ деревняхъ. Вотъ те на, какая бѣда! для чего не жить, коли нажито, чѣмъ жить, а какъ нажито, этого никто и не спроситъ. Пожалуйста, послушайся меня, добивайся этого мѣста. Ты вѣдь уже не маленькій ребенокъ, можно о себѣ подумать, чѣмъ вѣкъ жить. Отцовское-то у тебя имѣніе стрень брень съ горошкомъ, такъ надобно самому наживать, а на мое и не надѣйся, ежели меня не послушаешься, хотя ты у меня и одинъ наслѣдникъ; но я лучше отдамъ чужому, да только такому, который себѣ добра хочетъ. Ежели-жъ послушаешься, то при жизни моей укрѣплю все тебѣ. Смотри-жъ, я говорю наобумъ, а ты бери себѣ на умъ. Прощай, Иванушка; пожалуй, подумай о семъ хорошенько и меня увѣдомь.

Остаюсь дядя твой . . .

2) Изъ *объявленій*, помѣщенныхъ въ VI листѣ «Трутня» 1769 г.

Въ нѣкоторое судебное мѣсто потребно правосудія до 10 пудъ; желающіе въ поставкѣ онаго подрядиться могутъ явиться въ ономъ мѣстѣ.

За вексельный искъ описанное и оцѣненное въ 14 р. 57¾ коп. оставшее послѣ покойнаго судьи Правдолюбова стяжаніе, состоящее въ вѣрности къ отечеству, нелицепріятіи, правосудіи, истинномъ понятіи законовъ, милосердіи о бѣдныхъ и здравомъ разсужденіи, имѣетъ быть продано съ публичнаго торгу, ибо наслѣдниковъ къ оному стяжанію изъ всей его родни не явилось. Желающіе покупать могутъ явиться у аукціониста, который продавать будетъ.

Недавно пожалованный воевода отъѣзжаетъ въ порученное ему мѣсто и для облегченія въ пути продаетъ свою совѣсть. Желающіе купить могутъ его сыскать въ здѣшнемъ городѣ.

---

3) Изъ *объявленій*, помѣщенныхъ въ IX листѣ «Трутня» 1769 г.

Судья нѣкотораго приказа покривилъ вѣсы правосудія. Онъ въ томъ не виноватъ, а виноватъ подрядчикъ, который на судейскую сторону такъ много положилъ кулей съ мукою, что правосудіе противъ такой тягости устоять не могло. Желающіе тѣ вѣсы починкою исправить изъ своихъ матерьяловъ могутъ явиться въ томъ приказѣ.

Прокуроръ *Правдулюбовъ* съ судьею *Криводушинымъ* въ одномъ сидитъ судебномъ мѣстѣ. Судья заразился извѣстною подъ именемъ акциденціи *) болѣзнью и для того въ рѣшеніи дѣлъ часто съ прокуроромъ бываетъ несогласенъ. Прокуроръ, опасаясь дальнѣйшихъ отъ того слѣдствій, чрезъ сіе объявляетъ, что ежели сыщется искусный въ лѣченіи сихъ болѣзней лѣкарь и сего судью вылѣчитъ, тому за труды дастъ онъ награжденіе изъ собственныхъ денегъ, ибо судья о лѣченіи сей болѣзни и слышать не хочетъ; желающіе помянутаго судью пользовать могутъ явиться у прокурора Правдулюбова немедленно.

---

*) *Акциденціями* назывались побочные доходы чиновниковъ отъ добровольной дачи челобитчиковъ, установленные Петромъ I. Екатерина II положила всѣмъ служащимъ жалованье и уничтожила акциденціи, строго запретивъ чиновникамъ пользоваться доходами съ просителей и тяжущихся.

Въ нѣкоторомъ приказѣ былъ судья; онъ, служа въ военной прежде службѣ, привыкъ взятокъ не брать, почему и сдѣлавшись судьею—не перемѣнился. Онъ вершилъ дѣла по законамъ, не толкуя оные въ криво. Вѣсы правосудія въ его время ни кулями съ хлѣбомъ, ни мѣшками съ деньгами покривлены не были. Всѣ удивлялись его ополченію противу искушателей, и наконецъ большіе судьи его правосудіе почли гордостью, думая, что онъ не беретъ для того, что не даютъ больше. Гордость его наказали отрѣшеніемъ его отъ того мѣста; онъ о томъ и не тужилъ. На мѣсто его посаженъ другой судья, въ которомъ ни малой нѣтъ гордости. Онъ беретъ взятки, не яко взятки, но яко подарки. Вѣсы правосудія въ его рукахъ, а указы въ его устахъ, ибо они говорятъ то, что прикажетъ судья. Итакъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ голубь, сидитъ нынѣ ястребъ, о чемъ для свѣдѣнія и объявляется.

4) Изъ *объявленій*, помѣщенныхъ въ XVI листѣ «Трутня» 1769 года.

Нѣкоторому судьѣ потребно самой свѣжей и чистой совѣсти до нѣсколько фунтовъ. Желающіе въ поставкѣ оной подрядиться, а у него купить старую его отъ челобитческаго винограднаго и хлѣбнаго нектара перегорѣвшую совѣсть, которая, какъ онъ увѣряетъ, весьма способна ко отысканію желаемаго всѣми философическаго камня, могутъ явиться въ собственномъ его домѣ.

Недавно пожалованный прокуроръ отъѣзжаетъ во свое мѣсто, и по пріѣздѣ желаетъ онъ развесть рѣдкое въ томъ городѣ растеніе, именуемое цвѣтущее правосудіе, хотя воевода того города до онаго растенія и не охотникъ. Чего ради потребенъ ему, г. прокурору, искусный садовникъ. Желающіе вступить во оную должность, могутъ явиться у г. прокурора немедленно.

5) Письмо къ издателю, помѣщенное въ XXI листѣ «Трутня» 1769 года.

Г. Издатель!

Въ нѣкоторыхъ приказахъ показался новый способъ брать взятки. Челобитчики или отвѣтчики бьются съ судьями и секретарями о закладъ такимъ образомъ: напримѣръ, истецъ хочетъ, чтобы беззаконное его требованіе было рѣшено въ его пользу; итакъ, онъ съ судьей споритъ, что къ такому-то числу это дѣло въ его пользу не рѣшится, а судья утверждаетъ, что рѣшится. Закладъ всегда бы-

ваетъ по цѣнѣ того дѣла, и почти всегда сіи заклады выигрываютъ судьи. Г. издатель! я вамъ сіе сообщаю для напечатанія. Сіе, безъ сомнѣнія, дойдетъ до рукъ судей-закладчиковъ—можетъ быть, они устыдятся. Сего только я и желаю; впрочемъ, будьте увѣрены, что я пребываю вамъ доброжелателемъ.

П. С.

6) Письмо къ Ѳалалею отъ дяди, помѣщенное въ 24 листѣ «Живописца».

Любезному племяннику моему Ѳалалею Трифоновичу отъ дяди твоего Ермолая Терентьевича низкій поклонъ и великое челобитье; и при семъ желаю тебѣ многолѣтняго здравія и всякаго благополучія на множество лѣтъ, отъ Адама и до сего дня.

Было-бы тебѣ извѣстно, что мы по отпускѣ сего письма всѣ, слава Богу, живы и здоровы; тако-жъ и отецъ твой Трифонъ Панкратьевичъ здравствуетъ-же; только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать, больна трудно: что подымешь, то и есть, а сама ни на волосъ не поворохнется. Вчерась отнялись у нея и руки, и ноги, а теперь, чай, ужъ и не говоритъ; и при мнѣ-то такъ ужъ черезъ мочь только намекала. Она заочно благословила тебя твоимъ Ангеломъ да Фарсульской Богородицей, а меня Неопалимой. Ну, братъ племянникъ, мать-то твоя, и передъ смертью не тароватѣе стала! Оставила на поминъ душѣ такой образъ, что и на полтора рубля окладу не наберется. Невидальщина какая! у меня образовъ-то и своихъ есть сотня мѣста, да не этакихъ: какъ жаръ вызолочены. А эта, братъ, Неопалима подлинно что не опалитъ, и окладишко весь почернѣлъ. Богъ съ нею! Спасибо хоть за то, что она въ полномъ умѣ исповѣдалась и масломъ особоровалась. Хоть и умретъ, такъ по христіански. Дай Богъ всякому такую кончину! Да и тутъ, Ѳалалеюшка, кабы не я, такъ-бы развѣ глухою исповѣдью исповѣдывать. Ужъ я ей говорилъ: Эй, Сидоровна, исповѣдайся, вѣдь уже ты въ гробъ глядишь; такъ нѣтъ-ста, насилу прибили. А какъ приспичило, такъ давай, давай попа, да ужъ зато въ одинъ день трижды исповѣдалась. Знать, что у нея многонько грѣшковъ-то скопилось. Приводили и ворожей; нечего, спасибо твоему отцу, не поскупился:—да ничего не помогли. А послѣ исповѣди привели-было еще одного, да ужъ Сидоровна сама не захотѣла напрасно тратить деньги. Кому

жить, Ѳалалеюшка, такъ будетъ притоманно *) живъ, а кому умереть, тому не пособятъ. Животомъ и смертью Богъ владѣетъ. Аще ежели Ему угодно будетъ прекратить дни ея, то пріѣзжай погребсти грѣшное тѣло ея. Да и кромѣ того намъ до тебя есть дѣло. Ну Ѳалалеюшка, вѣдь матушка твоя скончалась; поминай, какъ звали. Я теперь только получилъ объ этомъ извѣстіе; отецъ твой, сказываютъ, воетъ, какъ корова. У насъ всегда бываетъ такъ: которая корова умерла, такъ та и къ удою была добра. Какъ Сидоровна была жива, такъ отецъ твой бивалъ ее, какъ свинью, а какъ умерла, такъ плачетъ, какъ будто по любимой лошади. Пріѣзжай, другъ мой Ѳалалеюшка, пріѣзжай, Бога ради, поскорѣе, хоть не на долго, а буде можно—такъ и вовсе. Ты самъ увидишь, что тебѣ дома жить будетъ веселѣе Петербургскаго. А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебѣ присовѣтую, сирѣчь къ приказнымъ дѣламъ, да только похлѣбнѣе, наприкладъ въ экономическіе казначеи, или въ управители дворцовыхъ волостей, или куда-нибудь къ подряднымъ либо таможеннымъ дѣламъ. Въ такихъ мѣстахъ кому ни удалось побыть, такъ всѣ, Богъ съ ними, сытехоньки стали. Иной уже теперь и въ каменныхъ палатахъ живетъ, а которые ни одной души за собою не имѣли, тѣ уже нажили сотни и по двѣ-три. Не въ проносъ сказать о нашемъ Авдулѣ Еремѣевичѣ: хотя онъ не долго пожилъ при Монастырскихъ крестьянахъ, да уже всѣхъ дочекъ выдалъ замужъ. За одной, я слышалъ, чистыми денежками десять тысячъ далъ да деревню тысячъ въ пять, а не совсѣмъ-таки разорился: Богъ съ нимъ, про себя еще осталось. А кабы да его не смѣнили, такъ-бы онъ и гораздо понагрѣлъ руки около нынѣшнихъ рекрутскихъ наборовъ. Знать, что тѣхъ молитва дошла до Бога, которые въ эту пору опредѣлились; не житье имъ—масляница. Я-бы-ста и самъ не побрезговалъ пойти въ эдакіе управители. Перепало-бы кое-что и мнѣ въ карманъ: кресты да перстни все тѣ-же деньги, только умѣй концы хоронить. Я и понынѣ еще все старенькимъ живу. Кто передъ Богомъ не грѣшенъ, кто передъ царемъ не виноватъ? Не нами свѣтъ начался, не нами и скончается. Что въ людяхъ ведется, то и насъ не минется. Лишь только подѣлись, Ѳалалеюшка, такъ и концы въ воду. Неужто всѣхъ станутъ

*) Буквально значитъ: *задушевно, сердечно*; въ данномъ случаѣ означаетъ: *безъ сомнѣнія, во всякомъ случаѣ, конечно.*

вѣшать? Въ чемъ кто попадется, тотъ тѣмъ и спасется. Грѣхъ да бѣда на кого не-живетъ! Я и самъ попался было однажды подъ судъ, однако дѣло-то пошло иною дорогою, и я очистился, какъ-будто ни въ чемъ не бывалъ. Но кабы ты самъ сюда пріѣхалъ, такъ-бы мы обо всемъ переговорили лучше на словахъ, а писать-то страховато; неравно кому попадется въ руки, такъ напляшешься досыта. При семъ въ ожиданіи тебя остаюсь дядя твой

Ермолай ***.

4. *Модные нравы, галломанія, щеголи и щеголихи.*

1) *Статьи изъ Русскаго словаря*, въ V листѣ «Трутня» 1769 г. *Украсить голову по-французски.* О приведеніи въ совершенство сія науки Франція нѣсколько лѣтъ прилагаетъ попеченіе, и хотя въ Парижѣ заведена академія *волосоподвивательной науки*, изданы въ народъ печатныя о томъ книги, но однако-жъ и по сіе время, такъ-же, какъ и философія, въ совершенство не пришла; изъ чего слѣдуетъ, что быть совершеннымъ волосоподвивателемъ такъ-же трудно, какъ и философомъ. Да и науки сіи одинакія: одна украшаетъ голову снаружи, а другая внутри, а что къ первой нынѣ больше прицѣпляются, тому причиною мода. Да сіе и весьма справедливо: украшенная снаружи голова гораздо почтеннѣе украшенной внутри, потому что мы всегда хвалимъ, почитаемъ и удивляемся тому, что прежде другого лучшимъ намъ покажется; а въ томъ и никакого нѣтъ сомнѣнія, что хорошо завитые волосы скорѣе ума примѣтить можно: волосы снаружи, а умъ внутри *).

Украсить разумъ науками. Въ старину думали, что для украшенія разума науками надлежитъ цѣлый жить вѣкъ, т. е. посвятить себя наукамъ, отстать отъ всѣхъ должностей въ обществѣ, вѣкъ учиться и быть проповѣдываніемъ добродѣтели согражданамъ своимъ, а наконецъ и самому себѣ въ тягость, изъ чего сдѣлали пословицу: *вѣкъ живи и вѣкъ учися.* Но молодые наши дворяне, увидя ясно невѣжество предковъ своихъ, изъ сего заблужденія вы-

*) Сравн. „Бригадиръ“ Фонъ-Визина (1764 г.) д. 1, явл. 3. *Сынъ*: „По моему мнѣнію, кружева и блонды составляютъ головѣ наилучшее украшеніе. Педанты думаютъ, что это вздоръ, и что надобно украшать голову внутри, а не снаружи. Какая пустота! Чортъ-ли видитъ то, что скрыто; а наружное всякъ видитъ“.

шли и изъ стараго правила сдѣлали новое: *недѣлю учися и въ живи.* Сему правилу многіе слѣдуютъ, ибо, не учась ничему, но только мимоходомъ прочитавъ книги, о всѣхъ наукахъ разсуждаютъ и спорятъ, отчего и писателей показалось много, а особливо стихотворцевъ. Одинъ славный россійскій стихотворецъ сказалъ о себѣ, что онъ, писавъ стихи десять лѣтъ, послѣ всѣ ихъ пожегъ, черезъ что и сдѣлался онъ образцомъ во многихъ родахъ стихотворства, а въ нѣкоторыхъ и неподражаемымъ. Но молодые наши стихотворцы нашли кратчайшую къ парнасу дорогу; по ихъ мнѣнію, надлежитъ только знать, что мужескій стихъ въ 12, а женскій въ 13 стопъ, а потомъ въ недѣлю сдѣлаться можно стихотворцемъ и трагическимъ и комическимъ, и наконецъ всякимъ, не дѣлая пустыхъ изслѣдованій, что хорей, что ямбъ, дактиль и пр., лишь-бы были рифмы. Вотъ скорое просвѣщеніе какую приноситъ пользу! А за сіе скороспѣлое въ наукахъ знаніе должны мы благодарностію господамъ французамъ; мы все отъ нихъ перенимаемъ; ихъ дворяне давно сіе дѣлаютъ, и наши начинаютъ.

2) Изъ *объявленій*, помѣщенныхъ въ VI листѣ «Трутня» 1769 г.

Изъ Кроншшадта.

На сихъ дняхъ прибыли въ здѣшній портъ корабли: 1. *Trompeur* *) изъ *Руана* въ 18 дней; 2. *Vetilles* **) изъ *Марсельи* въ 23 дни. На нихъ слѣдующіе нужные намъ привезены товары: шпаги французскія разныхъ сортовъ, табакерки черепаховыя, бумажныя, сургучныя, кружева, блонды, бахромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякія, такъ называемыя, галантерейныя вещи, перья голландскія въ пучкахъ чиненыя и нечиненыя, булавки разныхъ сортовъ и прочіе модные мелочные товары; а изъ Петербургскаго порта на тѣ корабли грузить будутъ разныя домашнія наши бездѣлицы, какъ-то: пеньку, желѣзо, юфть, сало, свѣчи, полотна и проч. Многіе наши молодые дворяне смѣются глупости господъ французовъ, что они ѣздятъ такъ далеко и мѣняютъ модные свои товары на наши бездѣлицы.

Молодого россійскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, и который, объѣздивъ съ

*) Обманщикъ.

**) *Vetille* значитъ *бездѣлица, дрянь, пустякъ.*

ьзою, возвратился уже совершенною свиньею, желающіе смо-
ть могутъ его видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего го-
;а.

3) Изъ *объявленій*, помѣщенныхъ въ XVI листѣ «Трутня» 69 года.

Изъ Кронштадта.

На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ прибылъ изъ *Бурдо* корабль; :а немъ, кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 француза, :казывающіе о себѣ, что они всѣ бароны, шевалье, маркизы и графы, и что они, будучи несчастливы въ своемъ отечествѣ, по разнымъ дѣламъ, касавшимся до чести ихъ, приведены были до такой крайности, что для пріобрѣтенія золота, вмѣсто Америки, принуждены были ѣхать въ Россію. Они во своихъ разсказахъ солгали очень мало, ибо по достовѣрнымъ доказательствамъ они всѣ природные французы, упражнявшіеся въ разныхъ ремеслахъ и должностяхъ третьяго рода. Многіе изъ нихъ въ превеликой жили ссорѣ съ Парижскою полиціею, и для того она по ненависти своей къ нимъ сдѣлала имъ привѣтствіе, которое имъ не полюбилось. Оное въ томъ состояло, чтобы они немедленно выбрались изъ Парижа, буде не хотятъ обѣдать, ужинать и ночевать въ Бастиліи *). Такое привѣтствіе хотя было и очень искренно, однако-жъ симъ господамъ французамъ не полюбилось, и ради того пріѣхали они сюда и намѣрены вступить въ должности учителей и гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей. Они скоро отсюда пойдутъ въ Петербургъ. Любезные сограждане, спѣшите нанимать сихъ чужестранцевъ для воспитанія вашихъ дѣтей! Поручайте немедленно будущую подпору государства симъ побродягамъ и думайте, что вы исполнили долгъ родительскій, когда наняли въ учители французовъ, не узнавъ прежде ни званія ихъ, ни поведенія.

4) Изъ *объявленій*, помѣщенныхъ въ 6 листѣ «Живописца» 1772 года.

Изъ Твери.

Недавно черезъ нашъ городъ проѣхалъ въ Петербургъ какой-то славный *выдумщикъ*. Онъ разсказывалъ намъ о себѣ великія чу-

---

*) Укрѣпленіе, построенное въ сѣверовосточной части Парижа въ 1369 г. Назначеніе Бастиліи было служить государственною тюрьмою. Во время французской революціи Бастилія была разрушена народомъ

деса и показывалъ болѣе ста *выдумокъ*, имъ сочиненныхъ. Между прочими выхвалялъ онъ болѣе всѣхъ сочиненіе, въ которомъ онъ предлагаетъ способъ для пріохочиванія молодыхъ россійскихъ господчиковъ къ чтенію русскихъ книгъ. Оный состоитъ въ томъ, чтобы русскія книги печатать французскими литерами. Г. *выдумщикъ* увѣряетъ, что симъ способомъ можно приманить къ чтенію россійскихъ книгъ всѣхъ щеголей и щеголихъ, да и самыхъ тѣхъ, которые россійскаго языка терпѣть не могутъ. Онъ утверждалъ что ежели эта его выдумка произведется въ дѣйство, то онъ надѣется отъ сего великаго успѣха, потому что, по его мнѣнію, французскія буквы мягкостью своею очистятъ всю грубость россійскаго языка. Сей великій человѣкъ не долго промѣшкалъ въ нашемъ городѣ и поскакалъ въ Петербургъ.

5) Письмо щеголихи, помѣщенное въ 9 листѣ «Живописца» 1772 года.

Mon coeur *) Жавописецъ!

Ты, радость, *безпримѣрный* авторъ. *По чести* говорю, *ужесть какъ ты славенъ;* читая твои листы, я *безподобно утѣшаюсь;* какъ все у тебя *славно:* слогъ *разстеганъ*, мысли *прыгающи*. *По чести* скажу, что твои листы *вѣчно меня прельщаютъ; клянусь*, что я всегда *фельетирую* ихъ безъ всякой *дистракціи*. Да и нельзя не такъ: ты *не грустенъ*, *шутишь славно*, и твое перо *по бумагѣ бѣгаетъ безподобно*. *Ужесть*, *ужесть*, какъ прекрасны твои листы! Но, сказать *во кругъ насъ*, ты много долженъ мнѣ: *уморить-ли*, *радость?* вѣдь мнѣніе-то *щеголихино* **) ты у меня подтяпалъ.... ха, ха, ха!! *Клянусь!* Спроси у всѣхъ моихъ знакомыхъ, они тебѣ скажутъ, что я всегда это говаривала. Но это ничего не значитъ. Признаюсь, что я и сама много заняла изъ твоихъ листовъ. Пуще всего ты *ластишь* меня тѣмъ, что *никакъ со мною не споришь*, а особливо, когда говорилъ о наукахъ. Ты это такъ *славно прокричалъ*, — чортъ меня возьми! — *какъ книга*. А при томъ ты всегда

*) Напечатанныя курсивомъ слова курсивированы и въ подлинникѣ; это модныя въ то время слова и фразы, употреблявшіяся въ разговорѣ щеголями и щеголихами.

**) Здѣсь разумѣется мнѣніе о наукахъ, высказанное отъ имени щеголихи въ 4 листѣ «Живописца».

стараешься оказывать намъ учтивости; не такъ, какъ нѣкоторый грубьянъ, сочиняя комедію одну изъ подругъ моихъ *вытащилъ* на театръ *). Куда какъ онъ много выигралъ! Я чаю, онъ надѣялся; что всѣ *расхохочутся до смерти*, анъ, право, никто изъ нашихъ сестеръ и учтивыхъ мужчинъ и не улыбнулся..... Онъ хотѣлъ насъ одурачить, да не удалось. *Ужесть какъ славно* онъ забавлялся надъ бѣднымъ мальчикомъ *Фирлюфюшковымъ* **), совсѣмъ тѣмъ подобные ему люди останутся всегда у насъ въ почтеніи, а его *Дремовъ* ***) никогда не выдетъ изъ дураковъ. Если-бы узнала я этого автора, то *оттѣнила-бы* сама его *безподобно*. Я *никакъ* на него не сердита: онъ меня *никакъ* не тронулъ; однако-жъ я и сама не знаю, за что я его *никакъ* не могу терпѣть. Въ первой его комедіи ****) я сама *до смерти захохоталась*; *ужесть какъ славно шпетилъ* онъ нашихъ бабушекъ. А эта комедія такую сдѣлала *дистракцію* и такую *грусть*, что я поклялась *никакъ* на *именины* не ѣздить. Правда, ты и самъ *зацѣпился*, но это шуткою, а за шутки мы *никакъ* не сердимся; напротивъ того ты бранишь однихъ только деревенскихъ дураковъ, да и *безпримѣрно*. *Ужесть какъ славно* ты ихъ *развернулъ* въ 5 листѣ твоего «Живописца»! Ты уморилъ меня: точь въ точь *выказалъ* ты дражайшаго моего *папахина* *****). Какой это несносный человѣтъ! *Ужесть, радость, какъ онъ неловокъ выдѣланъ*, какой грубьянъ! Онъ и со мною хотѣлъ поступать такъ же, какъ съ мужиками, но я ему показала, что я не такое животное, какъ его крестьяне. То-то были люди! Съ матушкою моею онъ обходился по старинѣ. Ласкательства его къ ней были: брань, пощечины и палка, но она и подлинно была того достойна: съ этакимъ звѣремъ жила сорокъ лѣтъ и не умѣла *ретироваться въ свѣтъ*. Бывало, онъ *сдѣлаетъ ей грубость палкою*, а она опять въ глаза ему лѣзетъ: *безпримѣрные люди!* такихъ горячихъ супруговъ и въ *романахъ* не скоро *набѣжишь*. Ужесть

*) Намекъ на комедію Императрицы Екатерины «Именины г-жи Ворчалкиной».

**) Птиметръ, осмѣянный въ комедіи императрицы.

***) Резонеръ въ той-же комедіи.

****) Комедія императрицы «О, время!...»

*****) Въ 5 листѣ «Живописца» былъ помѣщенъ отрывокъ изъ путешествія, въ которомъ выведенъ грубый звѣрь-помѣщикъ, жестоко обращающійся со своими крестьянами.

какъ славны! Суди, *душа моя*, по этому, въ какой была я школѣ было чему научиться! По счастію скоро выдали меня замужъ. Я пріѣхала въ Петербургъ, *подвинулась въ свѣтъ*, *разняла глаза* и *выкинула весь* тотъ *изъ головы вздоръ*, который *посадили* мнѣ мои родители: поправила *опрокинутое мое понятіе*, научилась говорить, познакомилась со *щеголями* и *щеголихами* и сдѣлалась человѣкомъ.

Пожалуй, *не задержись* съ отвѣтомъ; я на тебя *опущаюсь* и буду ожидать его съ *безпримѣрнымъ нетерпѣніемъ*. Прости, *радость!*

P. S. Услужи, *радость*, мнѣ: собери всѣ наши модныя слова и напечатай ихъ особливою книжкою, подъ именемъ *Моднаго Женскаго Словаря*. Ты многихъ одолжишь, и мы твой журналъ за это будемъ превозносить. Только не *умори*, *радость*, напечатай его маленькою книжкою и *дай ему видъ* *); а еще бы лучше, если бы ты напечаталъ его вмѣсто чернилъ какою краскою: Мы-бы тебя *до смерти захвалили*.

6) Изъ разговора *между нѣмцемъ и французомъ*, помѣщеннаго во *второмъ* и *третьемъ* листѣ «Кошелька» **).

Французъ. А! любезный пріятель! вы здѣсь? Какъ, зачѣмъ и когда оставили вы Голландію? Разставшись съ вами въ Амстердамѣ, я никогда не уповалъ увидѣться въ Петербургѣ. Что касается до меня, то крайность одна могла принудить меня избрать убѣжище въ этомъ городѣ. Родственники мои такъ же безчеловѣчны, какъ и прежде: сіе самое принудило меня пріѣхать сюда съ женою моею для сысканія приличныхъ мѣстъ нашей породѣ.

Нѣмецъ. А что касается до меня, то пріѣхалъ я въ Петербургъ первое, чтобы увидѣть сію имперію, подъ владѣніемъ премудрыя императрицы во всей европѣ славящуюся, а второе, чтобы сыскать приличную моему состоянію должность; и если мнѣ здѣсь понравится, какъ я по началу моей здѣсь бытности и не сомнѣваюсь, то останусь здѣсь на вѣчное житье. Ученому человѣку, какъ говорятъ, цѣлый свѣтъ отечество. Что-жъ надлежитъ до васъ, то, если вы еще по сію пору мѣстъ не имѣете, я могу возобновить мо

*) Т. е. придай ему красивую внѣшность.

**) «Кошелекъ» издавался Новиковымъ въ С.-Петербургѣ въ 1774 году и вышелъ въ количествѣ лишь 9 листовъ.

вамъ услуги: пріятель мой, купецъ, имѣетъ нужду въ горничной женщинѣ; жена ваша можетъ заступить оное, по моему одобренію, а вы съ него будете имѣть комнату для продолженія ремесла, въ Голландіи вами отправляемаго.

Французъ. Тише, тише, сударь, прошу не предлагать мнѣ подобныхъ услугъ. Въ Голландіи принужденъ я былъ несчастливыми моими обстоятельствами отправлять сію презрительную должность, но я рожденъ не для волосоподвивательной науки. Отецъ мой былъ королевской гвардіи капитанъ, дядя родной прокуроръ парламента парижскаго; я и самъ имѣлъ мѣсто... но любовныя мои шалости навлекли на меня гнѣвъ моего дяди; я принужденъ былъ удалиться изъ отечества и, скрывая подлинное свое имя, жить въ Голландіи. Наконецъ скажу вамъ, что вы имѣете дѣло съ шевалье де-Мансонжъ. Посему разсудите, прилично-ли мнѣ предлагаемое вами ремесло и должность горничной женщины для моей жены.

Нѣмецъ. Ха, ха, ха! Что вы передо мною притворяетесь! Я знаю вашу родню: вы не болѣе, какъ сынъ стряпчаго, отправлявшій по смерти своего отца и во Франціи ту-же самую должность, какъ отправляли вы въ бытность мою въ Амстердамѣ. Какую наклепали вы родню, и на что это? Честному человѣку никакое состояніе безчестія не приноситъ. Стыдно дѣлать безчестныя дѣла; напротивъ того, никакого безчестія не дѣлаетъ низкое состояніе. Я самъ сынъ деревенскаго попа, обучался въ университетѣ и наконецъ удостоенъ профессорства; и я никогда не вздумаю назваться барономъ. Но оставимъ это. Скажите мнѣ, г. кавалеръ, съ какимъ намѣреніемъ вы сюда пріѣхали и что будете здѣсь дѣлать? Не думаю я, чтобы вы пріѣхали сюда проживать только деньги, ибо я увѣренъ, что кошелекъ вашъ въ Петербургѣ не изобильнѣе Амстердамскаго, а тамъ вы, помнится мнѣ, и съ ремесломъ вашимъ и жены вашей жили очень бѣдно. Да, кстати вспомнилъ я: въ Амстердамѣ у васъ не было жены; развѣ вы здѣсь женились?

Французъ. Оставимъ скучные ваши вопросы. Вы спрашиваете, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ; я вамъ это хочу сказать. Мнѣ сказывали, что въ Россіи много сѣрыхъ куропатокъ; я до нихъ великій охотникъ: во Франціи онѣ дороги, такъ я пріѣхалъ сюда ихъ ѣсть. Между нами сказать, въ здѣшней землѣ французъ не умретъ отъ голода. Но еще разъ прошу васъ, оставьте скучные вопросы; что

вамъ нужды? въ Амстердамѣ былъ я, а здѣсь я же, да хочу быть другой. Помните, что молчаніе первая добродѣтель.

Нѣмецъ. А я люблю чистосердечіе. Будьте увѣрены, что я вам зла не желаю, но поговоримъ откровеннѣе. Неужели думаете вы что въ Россіи для голодныхъ французовъ заведены магазейны? Вы обманываетесь; я уповаю, что здѣсь хотя и много родится хлѣба, однакожъ его даромъ не даютъ. Надлежитъ трудиться, чтобы достать себѣ честнымъ образомъ пропитаніе. Итакъ, необходимо надлежитъ вамъ приняться за какое нибудь дѣло.

Французъ. Да кто вамъ сказалъ, что я хочу здѣсь жить безъ всякаго дѣла? Я хочу вступить въ должность; выслушайте, я вам разскажу. Въ бытность свою въ Парижѣ познакомился я съ однимъ россійскимъ путешественникомъ въ трактирѣ... Онъ былъ молодъ и вѣтренъ, мы подружились... Я рѣшился ѣхать въ Россію, сказалъ о томъ ему; онъ мнѣ далъ одобрительныя письма къ одному изъ своихъ друзей. Я сюда пріѣхалъ, нашелъ этого человѣка.. отдалъ ему письма, онъ меня весьма учтиво принялъ, ввели меня въ нѣкоторые знатные дома, гдѣ я такъ хорошо принятъ, что и истинный французскій маркизъ не желалъ бы лучшаго принятія. Вездѣ меня ласкаютъ, хвалятъ мое остроуміе, обходятся весьма учтиво. Словомъ, я почиталъ себя пресчастливымъ человѣкомъ. Но третьяго дня въ одномъ знатномъ домѣ меня посадили играть въ вистъ. Я забылся, что у меня нѣтъ денегъ, счастіе отъ меня отлучилось, я проигралъ сто рублей. Мнѣ повѣрили. Заплатить такую сумму я не могъ и былъ въ крайности потерять навсегда тотъ домъ, въ которомъ я проигралъ. Но новый мой другъ вывелъ меня изъ сего состоянія, давъ деньги на заплату моего проигрыша. Я опомнился и увидѣлъ, что надобно мнѣ вступить въ какую нибудь должность. Я сказалъ о томъ моему другу; онъ за сіе взялся съ охотою: меня берутъ въ учители, жену мою также и даютъ намъ каждому по 500 рублей, выключая квартиры, стола и кареты. Но я прошу больше; авось-либо и то удастся; ибо по случившемуся со мною въ Россіи я всего надѣюсь. Изъ сего усмотришь, что значитъ французъ въ Россіи. Ты, любезный мой пріятель, будучи нѣмецъ, разсуждаешь истинно по-нѣмецки, что будто безъ трудовъ не можно найти честнаго пропитанія. Но я французъ, слѣдовательно за одни разговоры могу брать столько денегъ, что ты, со всѣми своими трудами, ни въ четвертую долю получить не можешь. Суди

по моему приключенію, какое счастіе родиться на брегахъ Сены и имѣть волшебное именованіе француза для отворенія дверей во всякомъ мѣстѣ, куда бы я ни похотѣлъ идти. Слово французъ такъ важно, что въ немъ всѣ замыкаются достоинства.

Нѣмецъ. Очень хорошо, я соглашаюсь на нѣкоторое время вѣрить словамъ вашимъ. Но какъ разговариваемъ мы дружески и откровенно, то пожалуйте, скажите мнѣ, чему будете вы обучать воспитанниковъ, поручаемыхъ вамъ. Ибо, между нами сказать, вы и сами, окромѣ французскаго языка, ничего не разумѣете. Сіи-же воспитанники, сказываете вы, знатнаго господина дѣти; то какъ потерпятъ учителя, ничего не знающаго! какъ повѣрятъ будущую подпору славнѣйшія имперіи воспитанію человѣка неизвѣстнаго? какъ не примѣтятъ, что вы, будучи учителемъ, сами ничего, опричь французскаго языка, не знаете? а въ сей наукѣ и всякій французскій сапожникъ не менѣе васъ ученъ. Наконецъ (хотя сіе по существу своему есть самомалѣйшее въ семъ зло), какъ захотятъ ни за что бросать не малую сумму денегъ, да еще и въ такихъ нѣжныхъ обстоятельствахъ? Позвольте сказать откровенно: вы воспитаніемъ своимъ удобнѣе можете развратить, а не исправить сердце юнаго своего воспитанника, сдѣлаете таковымъ, какихъ ко стыду Россіи видѣлъ я довольно проѣзжающихъ мою отчизну...

Французъ. Скажите-жъ, пожалуйте, и вы мнѣ: какъ и гдѣ могли вы столько выискать вопросовъ, до моея должности ни мало не касающихся? Какая мнѣ нужда, что они ни за что станутъ бросать свои деньги, лишь бы я получилъ оныя. Добрыя ли будутъ имѣть склонности воспитанники мои или худыя, для меня это все равно, лишь бы только воспитались они съ любовію ко французамъ и съ отвращеніемъ отъ своихъ соотечественниковъ; а въ прочемъ какая мнѣ нужда?! Глупо дѣлаютъ родители ихъ, что поручаютъ воспитаніе дѣтей своихъ мнѣ, а я напротивъ того дѣлаю очень умно, желая получить деньги даромъ. Наконецъ, скажите мнѣ, государь мой, по какой бы причинѣ я не могъ быть учителемъ? Развѣ на французскомъ языкѣ нѣтъ книгъ, всякимъ наукамъ обучающихъ? Повѣрьте мнѣ, что ихъ довольно: я закуплю оныя книги и буду учить моихъ воспитанниковъ и самъ учиться. Ха, ха, ха!... Неужели вы почитаете меня дуракомъ, думая, чтобы я не сталъ пользоваться толь выгоднымъ случаемъ? За чужую глупость какая мнѣ нужда отвѣтствовать? А что надлежитъ до намѣренія моего, то оное для

меня, право, весьма полезно. Выслушайте, я по дружбѣ откро-
вамъ оное, и если будетъ въ васъ къ тому столько способност-
сколько я имѣю, тогда можете вы онымъ пользоваться. Въ доль-
ность учителя вступаю я не для того, чтобы въ состояніи былъ в-
правду учить моихъ воспитанниковъ, но для того, чтобы запастись
деньгами, коихъ я теперь не имѣю. Накопя же нѣсколько денег
и спознавшись съ молодыми россійскими господчиками, а особливо
съ *полуфранцузиками*, сдѣлаюсь я учителемъ и купцомъ. Начну
выписывать французскіе товары; искусство мое будетъ оные до-
ставлять мнѣ безпошлинно; какія бы предосторожности ни употреб-
ляла таможня, я на всякую ея предосторожность десять имѣю го-
товыхъ выдумокъ. Положимъ теперь, что я получилъ уже мои то-
вары; примѣчайте, какъ они мнѣ достались дешево: пошлина не
плачена, лавки для нихъ я не нанимаю, купецкихъ поборовъ не
плачу и никакихъ тягостей ихъ не несу. Посредствомъ знакомств
моего съ молодыми людьми буду я распродавать товары свои
наличныя деньги, или по малой мѣрѣ буду раздавать ихъ въ долг
однакожъ и отъ того убытка я имѣть не буду, ибо по счетам
начну приписывать цѣну и число товаровъ лишнія и въ тѣхъ дене-
гахъ буду брать векселя. По векселямъ деньги вѣрно взысканы
будутъ, да еще съ процентами и рекамбіями *). Какая мнѣ нужда
въ томъ, что посредствомъ обогащенія моего молодые люди разо-
ряться будутъ? вѣдь они не соотечественники мои; да если-бы воз-
можность человѣческая была, такъ-бы я и единоземца своего пе-
рехитрилъ. Моя философія гласитъ: *обманывай дурака, въ томъ
нѣтъ грѣха, ни стыда нѣтъ*. Но оставимъ это. Довольно сего,
что въ пять лѣтъ буду я имѣть нѣсколько тысячъ рублей. Съ сими
деньгами возвращусь я въ отечество и буду жить благополучнѣй-
шимъ человѣкомъ. Между тѣмъ, какъ и самая справедливость того
требуетъ, буду ругаться орудіями, служившими къ обогащенію
моему, какъ людьми разсудка здраваго и просвѣщенія не имѣю-
щими. Вѣдь справедливо во *** русскихъ людей почитаютъ еще
невѣждами, варварами, или на милость—обезьянами. Гдѣ, кромѣ
сущихъ невѣждъ, найти можно такую оплошность, чтобы ввѣрить
себя человѣку, никогда ему добра не желающему, и позволить изъ
себя все, что-бы я ни захотѣлъ, сдѣлать?...

---

*) *Рекамбіо*—пеня за неустойку въ платежѣ по векселямъ.

Нѣмецъ (къ сторонѣ). О, какая подлая душа! сердце неблагородное и измѣнническое! чудовище, не достойное человѣческаго имени!

5. *Крѣпостное право.*

1) Изъ *объявленій*, помѣщенныхъ въ VI листѣ «Трутня» 1769 г.

Изъ Литейной.

Змѣянъ, человѣкъ неосновательный, ѣздя по городу, надсѣдаяся кричитъ и увѣщеваетъ, чтобы всякій помѣщикъ, ежели хорошо услуженъ быть хочетъ, былъ тираномъ своимъ служителямъ, чтобъ не прощалъ имъ ни малѣйшей слабости, чтобъ они и взора его боялись, чтобъ они были голодны, наги и босы, и чтобъ одна жестокость содержала сихъ звѣрей въ порядкѣ и послушаніи. Въ самомъ дѣлѣ, Змѣянъ поступаетъ со своими рабами, какъ проповѣдуетъ. О, человѣчество! колико ты страждешь отъ безумія Змѣянова, и если-бы всѣ дворяне примѣръ брали съ сего чудовища, то бы не было у насъ, кромѣ мучителей и мучениковъ. Однако благоразумный Миренъ не слѣдуетъ мнѣнію Змѣянову и совсѣмъ отмѣнно съ подвластными себѣ обходится. Ежели Миренъ не наилучшихъ въ Россіи слугъ имѣетъ, такъ по крайней мѣрѣ не боится, чтобъ онъ ими былъ проклинаемъ.

2) Изъ *рецептовъ*, помѣщенныхъ въ XXIV листѣ «Трутня», 1769 года.

Для г. Безразсуда.

Безразсудъ боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне, а что такое крестьяне—о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостные его рабы. Онъ съ ними точно такъ и поступаетъ, собирая съ нихъ тяжкую дань, называемую *оброкъ*; никогда съ ними не только что не говоритъ ни слова, но и не удостаиваетъ ихъ наклоненіемъ своей головы, когда они, по восточному обыкновенію, предъ нимъ по землѣ распростираются. Онъ тогда думаетъ: *Я господинъ, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпѣвая всякія нужды, день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежомъ оброка; они, памятуя мое и свое состояніе, должны трепетать моего взора.* Въ дополненіе къ сему прибавляетъ онъ, что точно о крестьянахъ сказано: *въ потѣ лица своего снеси хлѣбъ твой.* Бѣдные крестьяне любить его, какъ отца, не смѣютъ, но, почитая въ немъ своего тирана, его трепещутъ. Они работаютъ день и ночь, но со всѣмъ тѣмъ

едва, едва имѣютъ дневное пропитаніе, затѣмъ что насилу могутъ платить господскіе поборы. Они и думать не смѣютъ, что у нихъ есть что-нибудь собственное, но говорятъ: *это не мое, но Божіе и господское.* Всевышній благословляетъ ихъ труды и награждаетъ, а *Безразсудъ* ихъ обираетъ. Безразсудный! развѣ забылъ то, что ты сотворенъ человѣкомъ? неужели ты гнушаешься самимъ собою, въ образѣ крестьянъ, рабовъ твоихъ? развѣ не знаешь ты, что между твоими рабами и человѣками больше сходства, нежели между тобою и человѣкомъ? Вообрази рабовъ твоихъ состояніе; оно и безъ отягощенія тягостно. Когда-же ты гнушаешься тѣми, которые для удовольствованія страстей твоихъ трудятся почти безъ отдохновенія, они не смѣютъ и мыслить, что они человѣки, но почитаютъ себя осужденными за грѣхи отецъ своихъ, видя, что прочіе ихъ братія у помѣщиковъ-отцовъ наслаждаются вожделѣннымъ спокойствіемъ, не завидуя никакому на свѣтѣ счастію, ради того, что они въ своемъ званіи благополучны—то подумай, какъ должны гнушаться тобою истинные человѣки, человѣки-господа, господа-отцы своихъ дѣтей, а не тираны своихъ, какъ ты, рабовъ. Они гнушаются тобою, яко извергомъ человѣчества, преобразующимъ нужное подчиненіе въ несносное иго рабства. Но *Безразсудъ* всегда твердитъ: *я господинъ, они мои рабы; я человѣкъ, они крестьяне.* Отъ сей вредной болѣзни

Рецептъ.

Безразсудъ долженъ всякій день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, пока найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ.

3) Изъ «Трутня» 1769 г. листъ XXVI.

Копія съ отписки.

Государю Григорію Сидоровичу!

Бьютъ челомъ отчины твоей староста Андрюшка со всѣмъ міромъ.

Указъ твой господскій мы получили, и денегъ оброчныхъ со крестьянъ на нынѣшнюю треть собрали: съ сельскихъ ста душъ сто двадцать три рубля, двадцать алтынъ; съ деревенскихъ съ пятидесяти душъ шестьдесятъ одинъ рубль, семнадцать алтынъ; а въ

доимкѣ за нынѣшнюю треть осталось на сельскихъ двадцать шесть рублевъ, сорокъ девять копѣекъ; да послано къ тебѣ, государь, прошлой трети недоборныхъ денегъ съ сельскихъ и деревенскихъ сорокъ пять рубля двадцать копѣекъ, а больше собрать не могли: крестьяне бедны, взять негдѣ, нынѣшнимъ годомъ хлѣбъ не родился, насилу могли сѣмена въ гумны собрать. Да Богъ посѣтилъ насъ скотскимъ падежомъ, скотина почти вся повалилась; а которая и осталась, такъ и ту кормить нечѣмъ, сѣна были худыя, да и соломы мало, и крестьяне твои, государь, многіе пошли по міру. Неплательщиковъ по указу твоему господскому на сходѣ сѣкъ нещадно, только они оброку не заплатили, говорятъ, что негдѣ взять. Съ Филаткою, государь, какъ поволишь? денегъ не платитъ, говоритъ, что взять негдѣ: онъ самъ все лѣто прохворалъ, а сынъ большой померъ, остались маленькія робятишки; и онъ нынѣшнимъ лѣтомъ хлѣба не сѣялъ, некому было землю пахать, во всемъ дворѣ одна была сноха, а старуха его и съ печи не сходитъ. Подушныя деньги за него заплатилъ міръ, видя его скудость; а за твою, государь, недоимку по указу твоему продано его двѣ клѣти за три рубли, за десять алтынъ; корова за полтора рубли, а лошади у него всѣ пали, другая коровенка оставлена для робятишекъ, кормить ихъ нечемъ: міромъ сказали, буде ты его въ томъ не простишь, то они за ту корову деньги отдадутъ, а робятишекъ поморить, и его въ конецъ разорить не хотятъ. При семъ послана къ милости твоей Филаткина челобитная, какъ съ нимъ самъ поволишь, то и дѣлай; а онъ уже не плательщикъ, покуда не подрастутъ робятишки; безъ скотины, да безъ дѣтей нашъ братъ твоему здоровью не слуга. Міромъ, государь, тебѣ бьютъ челомъ о завладѣнной у насъ Нахрапцовымъ землѣ, прикажи ходить за дѣломъ: онъ насъ здѣсь разоряетъ, и землю отрѣзалъ по самыя наши гумна, некуда и курицы выпустить; а на дѣло по указу твоему господскому собрано тридцать рублевъ, и къ тебѣ посланы безъ доимки; за неплательщиковъ положили тяглыя, только прикажи, государь, добиваться по дѣлу. Нахрапцовъ подалъ на насъ въ городѣ явочную челобитную, будто мы у него гусями хлѣбъ потравили, и потому его челобитью была за мною изъ города посылка. Меня въ отчинѣ тогда не было, посыльные забрали въ городъ шесть человѣкъ крестьянъ въ самую работную пору; и я, государь, въ городъ ѣздилъ, просилъ Секретаря и Воеводу, и крестьянъ вашихъ выпустили, только по тому дѣлу

стало міру, денегъ шесть рублевъ, возъ хлѣба, да пять возовъ сѣна. Нахрапцовъ попался намъ на дорогѣ и грозился насъ опять засадить въ тюрьму; Секретарь ему родня, и онъ насъ очень обижаетъ. Отпиши, государь, къ Прокурору: онъ бояринъ добрый, ничего не беретъ, когда къ нему на поклонъ придешь, и онъ твою милость знаетъ, авось либо онъ за насъ вступится, и Секретаря уйметъ, а Воевода никакихъ дѣлъ не дѣлаетъ, ѣздитъ съ собаками, а дѣла всѣ знаетъ Секретарь. Вступись, государь, за насъ, своихъ сиротъ: коли ты за насъ не вступишься, такъ насъ совсѣмъ разорятъ, и Нахрапцовъ всѣхъ насъ пуститъ въ міръ. Да еще твоему здоровью всѣмъ міромъ бьютъ челомъ о сбавкѣ оброчныхъ денегъ, намъ уже стало не въ моготу; послѣ переписи у насъ въ селѣ и въ деревнѣ померло больше тридцати душъ, а мы оброкъ платимъ всѣ тотъ же; покуда смогли такъ мы таки твоей милости тянулись, а нынче стало уже не въ мочь. Буде не помилуешь, государь, то мы всѣ въ конецъ разоримся; неплательщики все прибавляются, и я по указу твоему сборъ дѣлалъ всякое воскресеніе и неплательщиковъ сѣку на сходѣ, только имъ взять негдѣ, какъ ты съ ними ни поволишь. Еще твоей милости доношу, ягоды и грибы нынѣшнимъ лѣтомъ не родились, бабы просятъ, чтобы изволилъ ты взять деньгами, почему укажешь за фунтъ; да еще просятъ, чтобы за пряжу и за холстину изволилъ ты взять деньгами. Лѣсу твоего господскаго продано крестьянамъ на дрова на семь рублевъ съ полтиною; да на двѣ избы, по пяти рублевъ за избу и деньги, государь, всѣ съ Антошкою посланы. При семъ еще послано штрафныхъ денегъ съ Ипатки за то, что онъ въ челобитьѣ своемъ тебя, государь, оболгалъ и на племянника сказалъ, будто онъ его не слушался, и затѣмъ съ нимъ разошелся, взято по указу твоему тридцать рублевъ. Съ Антошки за то, что онъ тебя въ челобитной назвалъ отцомъ, а не господиномъ, взято пять рублевъ. И онъ на сходѣ высѣченъ. Онъ сказалъ: я де это сказалъ съ глупости, и напредки онъ тебя, государя, отцомъ называть не будетъ. Дьячку при всемъ мірѣ приказъ твой объявленъ, чтобъ онъ впредь такъ не писалъ. Остаемся рабы твои староста Андрюшка со всѣмъ міромъ, земно кланяемся.

Б) Изъ описанія «Древней Россійской Вивліоѳики», помѣщеннаго въ Санктпетербургскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ на 1777 годъ» *).

...«Не приступая еще къ подробному описанію сего немалаго изданія, мы намѣрены поговорить объ ономъ вообще. Во-первыхъ, мы не можемъ пропустить, не возвѣстя читателямъ нашимъ, что публика за сіе полезное для *россійской исторіи* и *географіи* изданіе обязана благодарностію Всепресвѣтлѣйшей Самодержицѣ нашей. Ея Императорское Величество лишь только извѣстилась о намѣреніи г. издателя, то и соизволила черезъ покойнаго *Григорія Васильевича Козицкаго* прислать къ нему немалое количество разныхъ *рукописей*, изъ комнатныя своея библіотеки. Вскорѣ послѣ сего соизволила Ея Императорское Величество именнымъ Своимъ указомъ повелѣть г. Статскому Совѣтнику *Миллеру* сообщать къ г. издателю разныя *рукописи* изъ *архива Московскія* Государственныя Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, подъ вѣдомствомъ его находящіяся. Но симъ не ограничилося еще щедрыя монархини нашея вспомоществованіе сему изданію: доставя всѣ способы къ полученію матерьяловъ, соизволила Ея Императорское Величество изліять щедроты Свои на подкрѣпленіе въ печатаніи сего изданія, пожаловавъ г. издателю въ разныя времена до двухъ тысячъ рублей.

Возвѣстя о щедротахъ Ея Величества, приступимъ къ разсужденію о самомъ изданіи вообще. *Древняя Россійская Вивліоѳика*, по содержащимся въ ней разнымъ достопамятнымъ запискамъ, по справедливости достойна быть вмѣщена въ число полезныхъ и нужныхъ книгъ для *исторіи россійскія*. Нельзя не изъявить сожалѣнія нашего о прерваніи сего полезнаго изданія, и мы бы желали, чтобы другія, о пользѣ общей пекущіяся особы предпріяли издавать нѣчто подобное сему изъ нашихъ *древностей*. Польза отъ изданія во свѣтъ *манускриптовъ* происходящая столь извѣстна всѣмъ ученымъ и благоискуснымъ во исторіи читателямъ, что оскорбили-бы мы ихъ просвѣщенное науками знаніе, когда-бы стали изъяснять оную подробно. Исторіи всѣхъ государствъ во свѣтѣ шествовали по сей стезѣ и достигали того совершенства, въ которомъ мы нынѣ

---

*) „С.-Петербургскія ученыя вѣдомости", журналъ историко-библіографическаго характера, издавался Новиковымъ въ С.-Петербургѣ въ 1777 г. и вышелъ въ свѣтъ въ количествѣ 22 нумеровъ (еженедѣльныхъ, по пятницамъ).

ихъ видимъ. Но при томъ и сіе надлежитъ замѣтить, что ни одно европейское государство сихъ сокровищъ толико не имѣло, колико обрѣтаемъ мы ихъ въ нашемъ отечествѣ. Государственные наши *архивы*, Императорскіе и частныхъ людей библіотеки ими изобилуютъ. Впрочемъ желали бы мы, чтобы при изданіи подобныхъ симъ записокъ, каковыя составляютъ *Древнюю Россійскую Вивліоѳику*, наблюдаемо было слѣдующее: чтобы прилагаемы были ко всякой части алфавитныя росписи находящимся во оной части матеріямъ, которыя при книгахъ сего рода весьма нужны для пріискиванія желаемыхъ вещей; чтобы сколько возможно дѣлаемы были примѣчанія на темныя и невразумительныя мѣста и слова; чтобы въ лѣтосчисленіи всегда прибавляемъ былъ годъ отъ Р. Х.; чтобы древнее писаніе не было измѣняемо на новое, а наипаче, чтобы ничего прибавляемо, убавляемо или поправляемо не было, но печатано было бы точно такъ, какъ обрѣтается въ подлинникѣ; и наконецъ, чтобы означаемо было точно, откуда полученъ списокъ, гдѣ находится подлинникъ и какимъ почеркомъ писанъ, стариннымъ или новымъ *). Вотъ все, что хотѣли мы сказать вообще о семъ изданіи, и теперь приступимъ къ подробному онаго описанію.

I-я часть издаваема была помѣсячно, по пяти листовъ въ мѣсяцъ, печ. въ 8 д. л. въ 1773 годѣ и содержитъ въ себѣ 475 стран. Въ ней находится:

1) Описаніе брачнаго сочетанія царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіей Лукьяновной изъ рода Стрѣшневыхъ, совершившагося февраля въ 5 день 1626 года.

Статья сія выписана изъ книги, полученныя г. издателемъ изъ комнатныя Ея Императорскаго Величества библіотеки.

Сіе подробное описаніе второго брака царя *Михаила Ѳеодоровича* тѣмъ достопамятно, что въ немъ виденъ древній *россійскій обрядъ*, при свадьбахъ наблюдавшійся, который со временъ Петра Великаго хотя и вышелъ изъ употребленія во знатѣйшихъ *россійскихъ* городахъ, но въ отдаленныхъ, также и въ деревняхъ, между небогатымъ дворянствомъ и купечествомъ, а наипаче между кре-

*) Новиковъ первый въ Россіи высказалъ такой взглядъ и предъявилъ къ изданіямъ старин. рукописей требованія, добросовѣстное исполненіе которыхъ считается нынѣ обязательнымъ для всякаго, приступающаго къ изданію какого-либо древняго памятника.

стьянами, и понынѣ видны еще превеликіе онаго остатки *). Притомъ и сіе надлежитъ замѣтить, что въ семъ описаніи находятся уже нѣкоторыя отмѣны противу обрядовъ, наблюдавшихся при *Великихъ Князьяхъ Россійскихъ*. Слогъ сея статьи сухъ, плодовитъ и наполненъ частыми повтореніями.

2) Вѣдѣніе о строеніи перваго россійскаго корабля, именуемаго Орелъ.

Статья сія взята изъ Императорскія библіотеки при Академіи Наукъ.

Сіе вѣдѣніе или извѣстіе переведено во дни Петра Великаго со *французскаго* языка изъ I тома *Путешествія Іоанна Стрюса въ Москву и Персію, печатаннаго въ Ліонѣ въ 1684 годѣ.* Упомянутое извѣстіе, противно заглавію своему, содержитъ въ себѣ описаніе плаванія сего корабля отъ села *Дѣднова* до *Казани* въ 1669 годѣ; также содержитъ въ себѣ извѣстіе о экипажѣ того корабля, и по-скольку опредѣлено было мѣсячнаго жалованья штабъ-офицерамъ и оберъ-офицерамъ и матрозамъ **).

Тутъ включено еще краткое описаніе тѣхъ городовъ, селъ и деревень, мимо которыхъ они плыли, и въ которыхъ останавливались. Что же касается до строенія сего перваго корабля *россійскаго,* то о немъ упоминается только, что оный построенъ былъ, по указу царя *Алексія Михайловича*, *голландскимъ* корабельнымъ мастеромъ, въ селѣ *Дѣдновѣ*, для произведенія торговли съ *Персіею* по *Каспійскому морю.*

3)—8) . . . . . ***).

9) Чинъ избранія Іосифа, архимандрита Симонова монастыря, на Патріаршій Россійскій престолъ.

10) Чинъ нареченія и постановленія Патріархомъ Ростовскаго митрополита Филарета Никитича.

11) Чинъ шествія патріаршаго на осляти вокругъ города Москвы, совершавшагося въ день постановленія Россійскихъ патріарховъ.

Всѣ сіи три статьи.... содержатъ въ себѣ весьма много достопамятныхъ и любопытныхъ вещей. Въ первой усматривается, что

---

*) Такой интересъ къ обрядовой сторонѣ народной жизни былъ въ то время большою новостью.

**) Матрозы, вм. матросы—съ нѣмецкаго *matrose.*

***) Эти статьи, какъ не представляющія интереса, въ нашемъ изданіи опущены.

при избраніи *патріарховъ россійскихъ* всѣ духовныя власти, *митрополиты*, *архіепископы*, *епископы и архимандриты*, равное имѣли право къ достиженію сего великаго и могущаго духовнаго сана. Царь всегда имѣлъ право предлагать кандидатовъ собору для избранія изъ нихъ единаго, и при избраніи *Іосифа патріарха*, происходившемъ въ 1642 годѣ, предложено было шесть кандидатовъ Примѣчается сверхъ того, что царь Алексій Михайловичъ, при семъ избраніи, впервые употребилъ баллы, или шары восковые, въ которыхъ закатаны были имена кандидатовъ, написанныя на бумагѣ и запечатанныя царскою печатью. Избраніе *патріарховъ* всегда происходило въ *Москвѣ*, въ большомъ *Успенскомъ соборѣ*. Всѣ духовныя власти созываемы были на соборъ для избранія патріарха; которые же за болѣзнью или за дальностью быть не могли, тѣ присылали свое полномочіе собору.

Г. издатель *Древнія Россійскія Вивліоѳики* помѣстилъ описаніе *избранія* и *шествія на осляти Іосифа патріарха*, а описаніе *нареченія* и *постановленія Филарета Никитича*, и сіе, какъ мы догадываемся, учинено для того, что избранія не было одному только *патріарху Филарету Никитичу*, яко родителю царя *Михайла Ѳеодоровича*. Обрядъ-же постановленія *патріарха Филарета Никитича* отправленъ былъ великолѣпнѣе и пышнѣе прочихъ, ибо при ономъ присутствовалъ бывшій тогда въ *Москвѣ Ѳеофанъ*, *патріархъ Іерусалимскій*.

Обрядъ сей описанъ весьма подробно и обстоятельно. Что же касается до патріаршаго *шествія на осляти*, то оное происходило всегда въ день постановленія, съ великою пышностью. Изъ-за стола царскаго выходилъ *патріархъ* послѣ подачи третьяго блюда и черезъ красное крыльцо шелъ ко *Благовѣщенскому* собору, гдѣ всадился на осля. За нимъ ѣхали *митрополиты* и другія власти въ саняхъ, а затѣмъ *бояре*. Патріарха окружали *конюшій*, *мельничій*, *дѣти боярскіе*, *голова стрѣлецкій со стрѣльцами*, а осля вели *бояринъ* царскій, *бояринъ* патріаршъ и стременный конюхъ. Объѣхавъ же симъ порядкомъ, возвращался патріархъ ко столу царскому. На другой и на третій день постановленія ѣзжалъ *патріархъ* опять на осляти по другимъ частямъ города *Москвы*. Всѣ сіи три статьи писаны нехорошимъ слогомъ, и находится въ нихъ много повтореній.

II.

Московскій періодъ.

А) Заключеніе журнала подъ названіемъ «Утренняго свѣта». *).

Писатели по обычаю, давно введенному, обязаны давать публикѣ отчетъ въ томъ, чего ради предпріяли явиться передъ ней и привлечь ея на себя примѣчаніе. Мы охотно и съ удовольствіемъ подвергаемъ себя оному обыкновенію, ибо насъ ободряетъ намѣренія нашего непорочность, приведшая насъ къ сему предпріятію, и потому, что мы увѣрены, что никто, кому оная извѣстна, не можетъ насъ порицать. Оканчивая изданіе наше симъ мѣсяцемъ, сообщаемъ здѣсь планъ, по которому поступали, и надѣемся, что, тѣ, кои оказывали нѣкоторое неудовольствіе, признаются, что предпріятіе наше заслуживаетъ если не похвалу, то по крайней мѣрѣ доброе имя.

Каждый писатель долженъ имѣть два предмета: первый научать и быть полезнымъ, второй увеселять и быть пріятнымъ: но тотъ превосходнымъ долженствуетъ почитаться предъ обоими, который столько счастливъ будетъ, что возможетъ оба сіи предмета совокупить во единый. Разсужденіе публики о писателѣ утверждается на тѣхъ же двухъ предположеніяхъ, и онъ почитается тогда счастливымъ, когда признанъ публикою оныхъ исполнителемъ.

Если-же напротивъ того, по мнѣнію оной, не только не достигъ обоихъ предметовъ вмѣстѣ, т. е. быть полезнымъ и пріятнымъ,

*) „Утренній свѣтъ“, ежемѣсячный журналъ мистически-нравоучит. характера, издавался Новиковымъ въ 1777—1780 г. (до апрѣля 1779 года въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Москвѣ).

но ниже одного изъ оныхъ, притомъ если съ своей стороны не утвержденъ справедливостью и чувствованіемъ великой и благородной въ себѣ души, и если не надѣется, какъ Сократъ или Милтонъ, на правосуднѣйшее и правильнѣе мыслящее потомство, или если уличается совѣстью о неправедномъ своемъ намѣреніи,—достоинъ сожалѣнія.

Сильное стремленіе къ добру, возбужденное человѣколюбіемъ и истиною, или слѣпая, суетнымъ самолюбіемъ надутая гордость и тщеславіе передъ подобными себѣ, или наконецъ подлое корыстолюбіе рождаютъ писателей и наполняютъ земной шаръ безполезными вздорами и книгами, которыя служатъ лучше для завиванія волосовъ, нежели для чтенія.

Если смѣемъ себя причислить къ писателямъ, то какого объ насъ мнѣнія? Не полагаютъ-ли насъ недовольные журналомъ нашимъ въ число тѣхъ, которые самолюбіемъ и жадностію корысти побуждаются къ изданію сочиненій, погубляющихъ время и нравы читателей? Хотя бы то было и правда, но для насъ нѣтъ ничего удобнѣе, какъ, опровергнуть таковое мнѣніе. При изданіи сего журнала мы не могли имѣть гордости и самолюбія, потому что крайне было бы смѣшно, если-бъ мы хотѣли величаться и гордиться переведенными токмо съ другихъ языковъ правилами *). Сверхъ онаго мы весьма удалены, какъ отъ самолюбія, такъ и не могли имѣть столь глупой мысли, что будто мы одни только достигли нужныхъ къ таковому предпріятію познаній и разумѣнія языковъ; нѣтъ, конечно: мы удостовѣрены, что и другіе имѣютъ также познанія и разумѣютъ языки, да еще. можетъ. быть и болѣе и лучше, нежели мы. Но положимъ, что можно гордиться и однимъ только переводомъ, но и въ семъ случаѣ гордостью укорить насъ не можно, потому что тотъ, который другихъ передъ собою не уважаетъ, долженъ непремѣнно сдѣлаться извѣстнымъ, но что до насъ касается, мы никогда публикѣ себя не объявляли **). И такъ сколь мало побуждала насъ къ предпріятію суетная гордость и безумное самолюбіе, столь же мало да еще и менѣе могла въ томъ имѣть участіе корысть. Мы еще до начатія сего сочиненія объявили

*) Большая часть статей «Утренняго Свѣта» состояла изъ переводовъ.

**) Новиковъ не имѣлъ обыкновенія подписываться ни подъ самостоятельными, ни подъ переводными своими статьями.

публикѣ, на какое употребленіе плата за журналъ назначается. Оная опредѣлена была на заведеніе училища для неимущихъ дѣтей, которыя бы, быть можетъ, безъ онаго остались навсегда жертвою невѣжества и, слѣдовательно, не столь полезными членами для общества.

Всевышній благословилъ труды наши, что легко усмотрѣть можно изъ сообщаемыхъ ежегодно нами извѣстій о успѣхахъ... Такимъ образомъ, когда всѣ суетныя намѣренія были отъ насъ удаленными, то можемъ заключить, не нарушая скрытности, что мы въ предпріятіи своемъ не имѣли другой побуждающей причины, какъ истинное, а не слѣпое и безумное къ заблужденію стремленіе, или энтузіазмъ, и любовь къ отечеству, проистекающую изъ чистѣйшихъ источниковъ. Ласкалися мы изданіемъ таковаго журнала, каковъ нашъ, искоренить и опровергнуть вкравшіяся правила *вольномыслія*, котораго слѣдствія, какъ для самыхъ зараженныхъ онымъ, такъ и для общества весьма пагубны. Въ семъ намѣреніи избирали мы только нравоучительныя и умозрительныя матеріи *), о изящности, превосходствѣ и пользѣ которыхъ увѣрены не только благоразумнѣйшіе изъ нашихъ соотчичей, но и вся Европа, и которыя казалися намъ способнѣйшими для вкорененія и утвержденія добрыхъ нравовъ, истребленія гнусныхъ и страшныхъ нѣкоторыхъ правилъ **). Почему весьма для насъ удивительно, что голь общія, толь драгоцѣнными и полезными отъ всякаго здраво мыслящаго человѣка признанныя матеріи могли не угодными быть для нѣкоторой части нашихъ соотчичей. Но хотя и не понравились нѣкоторымъ, однако восчувствовали другіе всю великость и важность оныхъ во всемъ ихъ видѣ. Самые служители и толкователи слова Божія познали цѣну нѣкоторыхъ отдѣленій и мыслили толь благородно, что послѣ говоренныхъ ими съ великою похвалою проповѣдей, когда воспрошены были, откуда почерпнули оныя, то откровенно признались, что одолжены оными *Утреннему Свѣту*.

Доселѣ сообщали мы болѣе о самыхъ матеріяхъ нравственныхъ и умозрительныхъ или метафизическихъ, нежели о пользѣ оныхъ, ибо надѣялись мы, что достоинство оныхъ можетъ говорить само

*) Какъ это дѣлали и вообще всѣ писатели-масоны.

**) Здѣсь, какъ и нѣсколько выше, Новиковъ намекаетъ на пагубныя съ его точки зрѣнія послѣдствія вольномыслія, т. е. матерьялистическихъ ученій Вольтера и его послѣдователей.

за себя; но извѣдавъ опытомъ, что нѣкоторому числу людей совсѣмъ неизвѣстна подлинная и существенная польза высокихъ оныхъ истинъ, осмѣливаемся теперь читателямъ нашимъ представить великую пользу, проистекающую отъ нравоученія и увѣренія о безсмертіи души *).

Нравоученіе есть наука, которая наставляетъ насъ, управляетъ дѣйствія наши къ нашему благополучію и совершенству, которая внушаетъ намъ истинныя правила великихъ должностей нашихъ ко Творцу, высочайшему нашему благодѣтелю, къ ближнимъ и къ себѣ самимъ, которая предписываетъ сіи должности и показываетъ средства исполненія оныхъ. Такая наука не должна-ли быть достойною всего нашего вниманія? не должна-ли составлять во всю жизнь главныя наши упражненія? Такъ, безъ сомнѣнія. Нравоученіе есть первая, важнѣйшая и для всѣхъ полезнѣйшая наука; оной прежде и паче всего должно научать юношество; въ оной особенно должны упражняться пастыри и учители церковные, и оная по справедливости должна первое занимать мѣсто въ христіанскихъ поученіяхъ. Возьмемъ искуснѣйшаго богословскихъ системъ учителя, который нравоученія не знаетъ или не любитъ; можетъ-ли онъ быть столь пріятенъ Богу и полезенъ человѣческому обществу, какъ тотъ почтенный и правдивый мужъ, который хотя никогда не углублялся въ системѣ богословской, но знаетъ нравоученіе и любитъ онаго правила и по онымъ поступаетъ?

Въ какомъ видѣ мы ни разсматриваемъ нравоученіе, оно всего полезнѣе, нужнѣе и необходимѣе какъ для временной жизни, такъ и для вѣчности **). Нравоученіе, подобно дневному свѣтилу, являющемуся на горизонтѣ, освѣщаетъ душу нашу отъ юности, отъ наступленія дней, въ продолженіе, при концѣ оныхъ и въ самый часъ смерти. Оно распространяетъ свѣтъ свой по всѣмъ душевнымъ силамъ, онымъ управляемымъ; человѣкъ, открывающій глаза свои при

---

*) Вопросъ о безсмертіи души былъ однимъ изъ главнѣйшихъ поводовъ къ полемикѣ «Утренняго Свѣта» съ вольтерьянствомъ, и къ этому вопросу журналъ обращался не разъ.

**) Одною изъ любимыхъ идей масонства была мысль, что наша земная жизнь есть лишь временное состояніе человѣка, не имѣющее само по себѣ ни цѣли, ни смысла и служащее ему пріуготовленіемъ къ будущей, настоящей и вѣчной жизни. Съ этой точки зрѣнія смерть казалась лучше и легче жизни.

семъ свѣтильникѣ, видитъ всю великость своихъ должностей, употребленіе всѣхъ способностей и преимуществъ и причину своего бытія. Оно есть не одинъ токмо свѣтъ, освѣщающій разумъ, но пламя, воспаляющее и оживляющее человѣческое сердце. Сія пріятная теплота, подобно божественному огню, согрѣваетъ добрыя природныя склонности, оживляетъ оныя, питаетъ совѣсть, умерщвляетъ страсти и преклоняетъ волю. Желаніе дѣлать добро тѣмъ болѣе въ насъ умножается, чѣмъ болѣе знаемъ и чувствуемъ силу побудительныхъ къ тому причинъ и изящность добродѣтели, отчего происходитъ неизвѣстное нѣкоторое внутреннее удовольствіе, первый плодъ, первое воздаяніе добродѣтели. Нравоученіе, подобно тихому источнику, производитъ плодородіе въ сердцѣ нашемъ, питаетъ находящіяся въ ономъ счастливыя склонности, утверждаетъ глубоко корни оныхъ и приноситъ сладкіе плоды. Умножается онымъ купно и отвращеніе къ пороку; открывается его гнусность и представляется злополучіе, влекомое имъ за собою. Сія ненависть бываетъ во искушеніяхъ нашею спутницею и помогаетъ намъ восторжествовать надъ оными. И такъ нравоученіе, просвѣщая разумъ, образуетъ оный къ мудрости, очищая сердце, готовитъ оное къ добродѣтели, и сими путями ведетъ человѣка къ земному и надежнѣе еще къ небесному блаженству *). Кратко сказать, сіе божественное ученіе не оставляетъ человѣку бо̀льшаго желанія, ибо наставляя его въ должностяхъ, показываетъ ему купно отношеніе его къ предвѣчному Существу, и сіе познаніе, ведущее человѣка къ любви, почитанію и повиновенію божественнымъ уставамъ и провидѣнію, совершаетъ его счастіе. Такихъ понятій и чувствованій достигнувшій человѣкъ готовъ бываетъ на всякія жертвы для исполненія своихъ должностей **), ибо помогаетъ ему Богъ, подкрѣпляетъ его и утверждаетъ. Удостовѣренный человѣкъ о вѣчной жизни и совершенномъ блаженствѣ, яко о наградахъ за добродѣтель, въ состояніи произвесть великія дѣла; сердце его стремится къ сему блаженству, силы его возвѣщаютъ ему явно оное, а высочайшая благость совершенно увѣряетъ. И такъ упражненіе въ нравоученіи есть важнѣйшее для всякаго возраста и для всякаго состоянія;

*) Эта наивная вѣра въ силу нравоученія и нравоучительн. литературы была свойственна XVIII вѣку вообще.

**) Т. е. обязанностей, въ нравств. смыслѣ.

оно составляетъ существенную закона часть, которая наипаче заслуживаетъ вниманіе и стараніе мудраго мужа. Сія наука есть не тщетная теорія, не пустая схоластическая наука, не въ спорахъ состоящее ученіе, которое къ сожалѣнію, вкравшись въ систему толь простого, толь кроткаго и толь святого закона, обезобразило оную; нравоученіе есть не слабая пища памяти, не такая наука которая служитъ людямъ къ показанію ихъ передъ другими въ разговорахъ или книгахъ: нѣтъ, оно есть практическое наставленіе которое должны мы носить въ сердцахъ нашихъ, которое должно освѣщать совѣсть и преклонять безъ упущенія волю и которое должно служить правиломъ нашихъ поступокъ въ уединеніи и между людьми. въ трудахъ, спокойствіи и забавахъ, въ несчастіи, счастіи, въ здравіи и болѣзняхъ, въ отдаленіи отъ конца жизни и и при самомъ концѣ оной, кратко сказать, во всѣхъ отношеніяхъ и состояніяхъ, отцу, сыну и брату, мужу и женѣ, гражданину общества, міра и вѣчности. Чтобъ немногими словами изобразить весьма извѣстную истину: нравоученіе есть наука настоящаго и будущаго блаженства, для временной и вѣчной жизни, слѣдовательно, оно есть изо всѣхъ наукъ самое полезнѣйшее, нужнѣйшее и необходимое.

Самые древнѣйшіе народы знали важность, великость и необходимость сея науки. Между ими были законодатели любомудрія, или философіи учители, которые съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ упражнялись въ нравоученіи и оное другимъ предлагали...

Желалъ бы я болѣе говорить о важности нравоученія, но отвлекаетъ меня другой мой предметъ, о которомъ говорить долженъ, т. е. благотворная польза, приносимая увѣреніемъ о безсмертіи души. Приведеніе доказательствъ о безсмертіи оной за нужное теперь не почитаю, ибо, кажется, довольно уже было о томъ разсуждаемо во многихъ мѣстахъ нашего журнала.

Когда-же мы точно увѣрены о безсмертіи нашей души, то научаемся, во-первыхъ, онымъ увѣреніемъ познавать величество свойствъ Творца нашего, потомъ въ особенности безконечную Его премудрость, благость и правосудіе и признавать оныя съ величайшимъ благоговѣніемъ и благодарностію. Увѣреніе о важности нашего существа и о великости того, что опредѣлено для насъ въ будущей жизни, естественно побуждаетъ насъ ко простиранію проницанія нашего въ будущее и заставляетъ насъ пещися о томъ,

что послѣ насъ послѣдуетъ. Сіе увѣреніе производитъ то, что мы стараемся дѣлать вѣчнымъ имя наше и память, и что мы не равнодушны во мнѣніи объ насъ позднѣйшаго потомства. Сіе чувствованіе, что душа наша безсмертна, есть надежнѣйшее правило всѣхъ нашихъ благородныхъ, великихъ и человѣческому обществу полезныхъ дѣяній, безъ котораго правила всѣ человѣскія дѣла были бы малы, низки и подлы. Сіе увѣреніе истребляетъ порокъ, возвышаетъ и питаетъ добродѣтель въ самыхъ опаснѣйшихъ обстоятельствахъ. Сіе увѣреніе дѣлаетъ неразрушимымъ союзъ человѣческаго общества и даетъ естественнымъ законамъ ту важность, которую требуетъ честь Высочайшаго Законодателя и Благодѣтеля человѣческаго рода. Сіе чувствованіе подаетъ страждущему христіанину въ жесточайшихъ болѣзняхъ утѣшеніе; онъ мнитъ: есть вѣчность, въ которой престанетъ болѣзнь моя, и гдѣ ожидаетъ меня не преходящее веселіе. Съ онымъ увѣреніемъ невинно утѣсненные и гонимые подвергаются безъ роптанія всѣмъ неправосуднымъ случаямъ, ихъ угнетающимъ, въ несчастіи и превратностяхъ пребываютъ постоянными и вѣрными добродѣтели, презираютъ опасности и съ мужествомъ идутъ на угрожающую смерть, радуются, увѣрены будучи о вѣчности, гдѣ ожидаетъ ихъ за страданіе награда, и гдѣ вѣнецъ непрестаннаго веселія увѣнчаетъ главы ихъ. Коль свята, коль славна выгода для насъ, когда увѣрены о сей несомнѣнной истинѣ, но какія мученія, какое бѣдствіе для насъ, когда будемъ отрицать оную! При всемъ нашемъ полномъ благополучіи будетъ недоставать намъ покоя совѣсти, не восхититъ насъ никакое великодушное и благородное дѣйствіе, и менѣе того еще мы сами будемъ въ состояніи что-нибудь великое произвесть. Чистѣйшія небесныя чувствованія должны будутъ уступать скотскимъ похотѣніямъ, правда неправдѣ, добродѣтель беззаконію; несчастный отчается, невинность утѣснится, злодѣй и порочный восторжествуетъ, имѣніе, честь и жизнь будутъ въ опасности, словомъ, вся земля сдѣлается адомъ.

Самые язычники ощущали сладчайшее удовольствіе и успокоеніе, размышляя о безсмертіи души. Оное размышленіе было для нихъ твердѣйшею подпорою посреди несчастія, причиненнаго имъ за ихъ добродѣтель. Оное размышленіе, удостовѣряя ихъ о блаженной будущей жизни, возбуждало къ исполненію полезнѣйшихъ добродѣтелей и къ покоренію и содержанію всегда въ повиновеніи

ихъ страстей разуму. Сего-то ради оные великіе мудрецы Египта и Греціи преподавали сіе ученіе съ крайнимъ прилежаніемъ и представляли оное ученикамъ своимъ, яко одно изъ величайшихъ и важнѣйшихъ...

Б) Изъ журнала «Покоющійся Трудолюбецъ» *).

1. *О мнимомъ усердіи къ религіи* **).

Ничто столько не обманчиво въ человѣкѣ, какъ неосновательная ревность и усердіе его къ вѣрѣ, или, какъ то просто называютъ, набожность (хотя сего имени прямо приписать сему и не можно). Многія страсти кроются подъ сею личиною и многія злости въ немъ имѣютъ свои сѣмена. Зло сіе столько распространилось въ человѣчествѣ, что за благодѣяніе бы всему роду человѣческому почесть можно было, если бы кто мнимую сію святость исключилъ изъ числа добродѣтелей. Сколько излишнее такое ревнованіе вредно и пагубно, всякому то извѣстно; словомъ, оно безразсудно и беззаконно, да и не можно думать иначе, когда разсудить, что оно съ равнымъ свирѣпствомъ дѣйствуетъ какъ во всѣхъ религіяхъ вообще, сколько бы онѣ ни были противоположны одна другой, такъ и въ каждой въ особливости.

Іудейскіе раввины говорятъ, что первое смертоубійство произошло отъ раздора въ богослуженіи первыхъ человѣковъ, и еслибы мы имѣли полную исторію такого ревнованія со дней Каина до нашихъ временъ, то-бы увидѣли ее наполненною многими убійственными и кровопролитными зрѣлищами. Какую же почтетъ здравомыслящій человѣкъ вину толикихъ бѣдствій? Можетъ-ли онъ пре-

---

*) Журналъ „Покоющійся Трудолюбецъ“ издавался Новиковымъ въ Москвѣ въ 1784 и 1785 гг. и заключалъ въ себѣ, какъ значилось на его заглавіи, „философическія, нравоучительныя, историческія и всякаго рода какъ важныя, такъ и забавныя матеріи, къ пользѣ и удовольствію любопытныхъ читателей, состоящія изъ подлинныхъ сочиненій на Россійскомъ языкѣ и переводовъ съ лучшихъ иностранныхъ писателей въ стихахъ и прозѣ“. Журналъ былъ посвященъ „любезнѣйшему Отечеству и всѣмъ вѣрнымъ сынамъ его“. Выходилъ онъ эпизодически, по нѣскольку частей въ годъ.

**) Статья эта помѣщена во II части „Трудолюбца“ за 1784 годъ; въ ней очень опредѣленно высказывается отношеніе журнала къ вопросу о религіи и его несочувствіе — съ одной стороны безвѣрію, а съ другой фанатизму и пустосвятству.

даться мрачному сему волненію души, когда оно утверждается на скользкихъ путяхъ единаго мнѣнія и умозрительства?

Откроемъ внутренность суевѣрною набожностью зараженнаго сердца; потщимся испытать всѣ сокровенные изгибы его, и мы вѣрно найдемъ, что сего мнимаго усердія ко вѣрѣ причиною есть или *гордость*, или *корыстолюбіе*, или *злость*.

Во-первыхъ, что касается до *гордости*, человѣкъ, различествующій съ другимъ во мнѣніяхъ вѣры, поставляетъ себя выше его въ своихъ разсужденіяхъ и во многомъ почитаетъ себя разумнѣйшимъ. Сіе-то есть поводомъ каждому человѣку къ тому, что онъ называетъ усердіемъ къ закону. Справедливость сего усмотрѣть можно изъ жизни и поступковъ самыхъ ревностнѣйшихъ защитниковъ православія. Въ жизни ихъ часто случается видѣть такіе примѣры, что они не гнушаются имѣть тѣснѣйшаго дружества съ самыми развратнѣйшими и порочнѣйшими людьми, только-бы они согласовались съ ними въ понятіяхъ ихъ о вѣрѣ; напротивъ того, съ противниками ихъ мнѣній, сколь-бы свѣтла и непорочна жизнь ихъ ни была, многіе и сообщенія имѣть не хотятъ. Упорные наши раскольники не могутъ ничего съѣсть или выпить съ нами безъ зазрѣнія совѣсти; также многіе наши простолюдины за великое беззаконіе поставляютъ быть вмѣстѣ и участвовать въ дѣлахъ съ иновѣрцами, какъ-то особливо съ армянами, турками и даже съ лютеранами и римско-католиками, хотя, впрочемъ, и въ самыхъ преступленіяхъ своимъ единовѣрцамъ сообщниками быть часто не отрекаются. Вотъ причина, для чего порочный правовѣрецъ предпочитается добродѣтельнѣйшему, достойнѣйшему человѣку и дѣятельностью своею подкрѣпляющему имя христіанина, хотя первый и далеко отстоитъ отъ совершенствъ послѣдняго! Отчего-жъ сіе происходитъ, какъ не отъ привязанности къ собственнымъ своимъ мнѣніямъ, а сія привязанность не есть-ли явный знакъ тайной гордости, надменности самимъ собою? Всякій, хотя-бъ и поступалъ такимъ образомъ, внутренно признаетъ сію истину, и если спросить причину такихъ поступковъ, то въ отвѣтъ на сіе надлежитъ прибѣгнуть къ обыкновенному изреченію нравоучителей:

Video meliora proboque, deteriora sequor *)

Ovid.

---

*) Вижу лучшее и похваляю, но послѣдую худшему.

Если-бы усердіе наше къ религіи было истинно, то-бы мы болѣе ожесточались на грѣшника, нежели на еретика; многіе случаи могутъ оправдать послѣдняго предъ Верховнымъ Судіею, но перваго оправдать ничто не можетъ.

Другая причина такого фанатизма есть *корыстолюбіе*. Страсть сія подобна пламеннику, воспаляющему въ человѣкѣ огонь зависти, злобы и ненависти, котораго мрачное сіяніе представляется глазамъ его свѣтомъ набожности. По сей-то причинѣ никто столько не усердствуетъ распространенію огнемъ и мечемъ православія *), какъ тотъ, корый находитъ въ томъ собственную свою пользу. Испанцы не принялись-бы съ такою ревностью обращать американцевъ на путь истины, если-бы золото ихъ не воспламенило въ нихъ сего священнаго усердія къ вѣрѣ христіанской.

Я хочу распространить значеніе слово *корыстолюбіе* въ отношеніи его какъ къ душевному нашему спасенію и блаженству, такъ и ко временному счастью. Человѣкъ радуется, видя приращеніе числа согласующихся съ нимъ въ особенныхъ его мнѣніяхъ, и посему всякій новообращенный иновѣрецъ служитъ ему къ дальнѣйшему убѣжденію во истинѣ своея вѣры. Мысль сія глубоко вкореняется въ его душѣ, и онъ, находя мнѣнія свои не только согласными съ собственнымъ своимъ разсудкомъ, но видя ихъ притомъ пріемлемыми и отъ другихъ за справедливыя, считаетъ оныя за несомнѣнныя истины. Утвердясь въ сихъ своихъ началахъ, онъ готовъ выводить изъ оныхъ дальнѣйшія разсужденія:—страсть его возбуждается, онъ ей предается, дѣйствіе ея приписываетъ добродѣтели, и такъ дѣлаетъ заключеніе о своемъ ревнованіи. Сіе видѣть можно въ обыкновенныхъ расположеніяхъ атеиста **), который мнѣнія свои утверждаетъ и разсѣиваетъ съ такимъ же жаромъ, какъ и тотъ, который думаетъ, что онъ дѣйствуетъ изъ усердія къ распространенію славы Божіей.

Злость есть третій источникъ, откуда мнимая набожность беретъ свое начало. Часто и добродѣтельный человѣкъ имѣетъ сѣмя ея въ своемъ сердцѣ, и хотя оно бываетъ подавлено силою вѣры,

---

*) Слово православіе надо понимать въ этой статьѣ, какъ истинную вѣру вообще (правовѣріе), истинную съ точки зрѣнія того, кто ее исповѣдуетъ, а не какъ христіанство греческой церкви.

**) Атеистъ—человѣкъ, отрицающій бытіе Божіе, не вѣрящій въ Бога. "Обыкновенныя расположенія"—т. е. *обычные пріемы*.

но когда находитъ какой-либо предлогъ къ возобновленію своему, который показывается ему несходственнымъ съ должностями христіанина, тогда всѣ препоны рушатся, и фурія сія начинаетъ въ немъ свирѣпствовать. Тогда ревность къ религіи дѣлается для него услажденіемъ; послѣдованіемъ оной думаетъ онъ благоугодить Богу; и такъ благопріятствуетъ онъ стремленію мстительнаго темперамента. По сей-то причинѣ мы находимъ, что многія величайшія опустошенія и кровопролитія, какія только случались въ свѣтѣ, начало свое имѣли отъ сего безразсуднаго усердія.

Лестно для меня видѣть ревность къ добру въ молодомъ человѣкѣ, особливо когда усердіе его имѣетъ источникъ свой изъ возрастающей нравственности и ревнованія къ блаженству рода человѣческаго; тогда я вижу въ немъ будущаго героя, столпа отечества, благотворителя вселенныя; но когда я нахожу въ рукахъ его мечъ, пламя, другія страшныя орудія, когда я слышу звукъ цѣпей и стонъ въ наполненныхъ темницахъ, когда онъ разоряетъ цѣлыя семейства, опустошаетъ земли и жжетъ тѣло для спасенія души, тогда я не могу не произнесть одного изъ сихъ, что (какъ бы онъ ни помышлялъ о правовѣріи и душеспасеніи) или вѣра его пустая, или православіе безполезное.

Разсуждая о ложныхъ ревнителяхъ закона, я не могу удержаться, чтобъ не упомянуть о страшныхъ оныхъ чудовищахъ, которыя опорочиваютъ человѣчество. Я разумѣю здѣсь тѣхъ, которыхъ обыкновенно называемъ мы атеистами. Сколько бы кто мнѣ ни представлялъ, что сіи люди не заражены блужденіемъ пагубнаго пустосвятства, что они способствуютъ къ искорененію суевѣрія, *) и то единственно имѣютъ своимъ предметомъ, и что они нужны въ мірѣ къ возбужденію невѣжествующихъ постигать умомъ сущности и бытія высочайшаго существа и углубляться въ истины, доказывающія оное, но у меня всегда останется въ виду невѣріе, распространяемое съ такою твердостію, яростію, свирѣпствомъ и усердіемъ, какъ будто бы спасеніе цѣлаго человѣческаго рода отъ того зависѣло; и о семъ родѣ усердія что я долженъ думать, кромѣ того, что глупости его и безразсудства никакими красками изобра-

---

*) Статья, очевидно, имѣетъ здѣсь въ виду послѣдователей матерьялистическихъ ученій французской философіи.

зить не можно? Кратко сказать, пагубное усердіе атеиста, если то возможно, гнуснѣе и бѣдственнѣе самаго атеизма.

Говоря о безумной ревности невѣрующихъ и атеистовъ, надлежитъ замѣтить, что они также наполнены, особливымъ только образомъ, духомъ лжесвятости или суевѣрія. Утверждаясь на мнѣніяхъ, исполненныхъ противорѣчія и невозможности, малѣйшее затрудненіе въ ясномъ разумѣніи какого либо члена вѣры почитаютъ они довольно важнымъ къ опроверженію онаго. Мнѣнія сходственныя съ здравымъ разсудкомъ и основанныя на понятіи всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, служащія безпрекословно къ возвышенію благосостоянія обществъ и частныхъ особъ, отмещутъ они, какъ бы заблужденія и предразсудки, и системы, воздвигнутыя на ихъ мѣстѣ при всемъ своемъ безобразіи и нелѣпости требуютъ безразсуднѣйшей легковѣрности къ принятію ихъ. Я охотно бы спросилъ кого-нибудь изъ оныхъ ревностныхъ распространителей невѣрія, пріемля всѣ главнѣйшія положенія атеизма, какъ-то: случайное и вѣчное міробытіе, мысленность вещества, смертность души, случайный составъ тѣла, движимость матеріи и т. п., и составивъ изъ нихъ особливый символъ вѣры славнѣйшихъ атеистовъ, я охотно-бы спросилъ ихъ, говорю, гдѣ больше требуется вѣры: къ принятію ихъ ли символа, или символа вѣры? ихъ ли положенія вразумительнѣе и вѣроятнѣе, или каждый догматъ и каждое слово религіи? Пускай кто разсудитъ, напримѣръ, о міробытіи и по ихъ мнѣнію, и по ученію религіи, и скажетъ безпристрастно, что вразумитсльнѣе и вѣроятнѣе? Наконецъ скажу я, что не увѣрившись на истинѣ, замѣнять ее меньше еще вѣроятія достойными выдумками не значитъ объяснять вещь, чего ищутъ всѣ господа вольнодумцы и чего они въ замыслахъ своихъ никогда не находятъ: а всего сего причиною есть сіе суетное усердіе!

2. Изъ статьи «*Общія примѣчанія о путешествіяхъ*». *).

Путешествователи для философовъ то-же, что аптекари для лѣкарей. На повѣствованіяхъ первыхъ философы утверждаютъ свои системы, а на лѣкарства послѣднихъ лѣкари пишутъ свои рецепты. Если аптекари подмѣнять свои лѣкарства, то больные умираютъ; а если путешествователи объявляютъ несправедливо, то философы дѣлаютъ ложныя заключенія.

*) Статья эта помѣщена во II части „Трудолюбца“ за 1784 г.

Роль путешественника гораздо важнѣе, нежели какъ многіе думаютъ. Она требуетъ вмѣстѣ честности и ученія: ибо въ повѣствованіяхъ, такъ какъ и въ химіи, легко можно обмануться по незнанію или съ мудрымъ намѣреніемъ.

Послѣ сего немногія вещи кажутся мнѣ столь смѣшными и столь опасными, какъ нетерпѣніе заставлять путешествовать молодыхъ людей, едва вышедшихъ изъ училища. Я не могу надивиться тѣмъ ослѣпленнымъ родителямъ, которые съ великою поспѣшностью посылаютъ къ иностраннымъ слабыя свои отрасли величаться своимъ невѣдѣніемъ и наглостію, почему за одного глупца цѣлый просвѣщенный народъ подверженъ бываетъ осужденію. Мнѣ столько-же удивительны и тѣ тщеславные отцы, которые всякій воскресный день приказываютъ слѣдовать въ церковь за своими не умѣющими еще говорить дѣтьми четыремъ лакеямъ, одѣтымъ въ великолѣпныя ливреи, даютъ имъ деньги для того только, чтобъ они раздавали ихъ мошенникамъ, притворяющимся нищими, ибо они симъ больше научаютъ ихъ любить богатство, нежели подавать милостыню, и по сему дѣлаютъ ихъ гордыми, а не благодѣтельными.

Мнѣ кажется, не должно спрашивать у иностранныхъ о ихъ достопамятностяхъ и просвѣщеніи, если мы сами не можемъ имъ дать ясныхъ понятій о художникахъ своего народа, о нравахъ, о свойствѣ своего климата и объ основаніяхъ правленія.

Такой молодой человѣкъ отъѣзжаетъ въ Парижъ внѣ себя отъ радости, имѣя въ виду свое просвѣщеніе. Тамъ онъ самъ себя превосходитъ въ усиліяхъ перенимать разнообразныя коверканья, жеманства и прочія тѣлодвиженія, свойственныя или насмѣшливымъ комедіантамъ или невиннымъ шутамъ, и подобныя бездѣлицы, если можно бездѣлицей назвать то, что обществу вредъ, а неопытному юношеству часто причиняетъ неизбѣжную погибель; какъ между тѣмъ нравы и обыкновенія народныя, образъ правленія, свойства климата, степень наукъ и художествъ, до которой они тамъ возвысились, и другія важнѣйшія вещи, со всѣхъ сторонъ, такъ сказать, ударяющія въ тупыя къ сему его чувства, остаются безъ всякаго вниманія. Онъ не щадитъ ни глазъ для примѣчанія, ни кошелька для доставленія себѣ разномодныхъ фраковъ, такъ что все его блаженство заключается и измѣряется краткостью полъ и узкостью стана. Но королевскій кабинетъ, разныя примѣрныя работы архитекторовъ, повседневныя испытанія въ ученыхъ мѣстахъ и но-

выя открытія силъ мудрой природы, не менѣе просвѣщающія, какъ и увеселяющія, не удостаиваются ни одного любопытнаго его взора. И такъ, если ужъ то неизбѣжно, что онъ безчеститъ себя и свое отечество поступками внѣ онаго, то по крайней мѣрѣ онъ не долженъ безчестить его, отдавая въ чужихъ краяхъ частнымъ и любопытнымъ людямъ отчетъ о воспитаніи его, бывшемъ предъ глазами своихъ родителей въ своемъ отечествѣ. По крайней мѣрѣ, говорю я, россіянинъ долженъ вникнуть въ древній вкусъ многихъ старинныхъ кремлевскихъ строеній, прежде нежели разсматривать станетъ луврскую колоннаду, или прежде долженъ удивляться монументу великаго не только въ Россіи, но и въ цѣломъ свѣтѣ мужа, нежели будетъ столбенѣть при воззрѣніи на Тюйльерійскія статуи.

3. *О употребленіи времени* *).

Мало найдется людей, которые-бы не обновляли состарѣвшихся уже жалобъ на краткость и скоротечность жизни, и которые-бы не желали оную продолжить и время на скоромъ его бѣгу остановить. Но сколько не рѣдки и тѣ, которымъ-бы сіи жалобы дѣлали честь, и такія желанія могли-бы придать важности тѣмъ, которые, имѣя столько праздныхъ часовъ, столь часто ропщутъ противъ несносно продолжительнаго ихъ теченія, желаютъ имъ крылъ и съ удовольствіемъ смотрятъ, какъ иногда цѣлые дни и цѣлыя недѣли извлекаются изъ своего летучаго вещества; а сіе для того, что такіе люди не знаютъ, что имъ дѣлать съ собою и съ своимъ временемъ.....

Что дѣлать Цидалиндѣ съ цѣлымъ годомъ? Съ восемью тысячами семью стами и шестидесятью часами! Она неотмѣнно испугается, если себѣ вообразитъ, сколько то вѣчнымъ покажется и одинъ часъ. Я не говорю, что она задрожитъ, представя себѣ все число. О! у ней уже такъ распоряжено, что большая часть ихъ пройдетъ, а она и не примѣтитъ ихъ теченія. Но при всемъ томъ сколько ни исправно мое расчисленіе, которое я въ ея времени сдѣлалъ, все-таки остается довольно важное множество часовъ, которые для нея будутъ великою тягостію. Это легко можно будетъ видѣть, если только пробѣжать глазами слѣдующее расчисленіе:

На спанье. Для нѣжнаго тѣла не меньше надобно положить, какъ десять часовъ въ сутки, и того въ годъ 3650 часовъ.

Для совѣта съ докторомъ. Цидалинда, правда, здорова; одна-

*) Статья эта помѣщена во II части „Трудолюбца“ за 1784 годъ.